

ГАЛИНА РОМАНОВА

ЗАГОВОР ОБРЕЧЕННЫХ

Детективы Галины Романовой. Метод Женщины

Галина Романова
Заговор обреченных

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Романова Г. В.

Заговор обреченных / Г. В. Романова — «Эксмо»,
2018 — (Детективы Галины Романовой. Метод Женщины)

ISBN 978-5-04-091362-6

Лиза чувствовала себя полной неудачницей, причем слово «полной» характеризовало ее больше всего. Из-за лишних ненавистных килограммов, наверное, и ушел от нее возлюбленный Павел, причем ушел ни много ни мало, а к ее начальнице Лане. Влиятельный отец просто купил для Ланочки очередную игрушку – теперь мужа, по брачному контракту. А теперь Лизе начальство подкинуло еще одну подлянку – нужно забрать у мастера эксклюзивный подарок для Ланы. Каково же было удивление Лизы, когда она обнаружила мастера убитым. Теперь Лизу обвиняют в этом преступлении... Сложно было представить, что авантюрная идея изложить на бумаге придуманную криминальную историю внезапно перерастет во что-то серьезное и станет смыслом жизни. Именно с этого начался творческий путь российской писательницы Галины Романовой. И сейчас она по праву считается подлинным знатоком чувств и отношений. В детективных мелодрамах Галины Романовой переплетаются пламенная любовь и жестокое преступление. Всё, как в жизни! Нежные чувства проверяются настоящими испытаниями, где награда — сама жизнь. Каждая история по-своему уникальна и не кажется вымыслом! И все они объединены общей темой: настоящая любовь всегда побеждает, а за преступлением непременно следует наказание. Суммарный тираж книг Галины Романовой превысил 3 миллиона экземпляров!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-091362-6

© Романова Г. В., 2018

© Эксмо, 2018

Галина Романова

Заговор обреченных

© Романова Г.В., 2018

© ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Глава 1

Каждый вечер, засыпая, она видела себя утром на беговой дорожке стадиона. Всегда видела красивой.

Обтягивающие лосины с ярким спортивным принтом, специальная обувь, которая пружинит шаг, топ из плотной ткани, подтягивающей живот. Она делает несколько пробных шагов, потом отталкивается и бежит. Волосы развеваются, на щеках румянец, в наушниках любимая музыка. Ей хорошо!

Один круг, второй, третий.

Надо пробежать десять кругов. Кто-то внутри ее, очень строгий и требовательный, приказал ежедневно держаться именно этого порядка. И она должна следовать приказу. Каждое утро на беговой дорожке. Каждое утро десять кругов. Потом легкой трусцой до дома, он в двух кварталах от стадиона. За порогом квартиры скинуть с себя все вещи. Голой пройти в душ. Мыть тело, наливающееся упругостью, сплошное удовольствие. Такое тело не может не нравиться мужчинам. Они должны им любоваться, должны его желать, любить. Должны провожать взглядами, когда она проходит мимо.

Так она думала каждый вечер, засыпая.

Просьпалась в половине шестого утра, молотила рукой по будильнику. Потом это повторилось еще дважды, каждые десять минут. С последним звонком, ровно в шесть, она вставала. С закрытыми глазами, еле волоча ноги, шла в ванную. Пускала воду, снимала пижаму, становилась под прохладные струи. Еще десяти минут ей хватало, чтобы окончательно проснуться.

Вода била по темени, сбегала по лицу, груди, животу, бедрам, исчезала в стоке. Она намыливала голову, лила на плечи ароматный гель для душа. Протягивала руку из-за шторы, дотягивалась до полки – там стоял прозрачный стаканчик с зубной пастой и единственной, ее, щеткой. Там же, в ванне, чистила зубы. Потом выпрыгивала на резиновый коврик для ног. Вытиралась, сушила волосы, небрежно красилась и шла в спальню одеваться. Потом на кухню пить кофе.

Ровно в семь она выходила и направлялась к машине. На высоких каблуках, с зажатой под мышкой сумочкой, в красивом офисном платье. Или в костюме. Или в юбке с блузкой. По настроению. И по погоде.

Осторожно расправив подол сзади, усаживалась в машину и через пару минут выезжала со стоянки. В семь десять раздавался телефонный звонок от подруги Маринки. Каждое утро она ждала ее на автобусной остановке в трех кварталах от ее дома. Маринку она подвозила всегда.

Свою машину Марина разбила год назад. Расплющила так, что восстановить не представлялось никакой возможности. Поклявшись себе накопить на новую, Марина ежемесячно спускала почти все заработанные деньги на тряпки и отдых.

– Алло, Лиза, едешь?

Этот вопрос она задавала каждое утро. В семь десять утра по московскому времени.

– Еду, – отвечала Лиза.
– На стэдики была? – И этот вопрос повторялся ежедневно.
– Нет. – Лиза мрачнела.
– Ненавидишь себя?
– Да. – Лиза кусала нижнюю губу.
– А зря! – восклицала подруга каждое утро. – Ты, Лизок, шикарная баба! Красивая, в теле.

– Заткнись, – обычно просила ее Лиза. Иногда добавляла: – Или поедешь на автобусе. Марина послушно умолкала. Но, забравшись в машину, снова принималась болтать.
– Не понимаю, чего ты так паришься из-за лишнего килограмма. Это говорил человек без грамма лишнего жира на костях.
– Из-за пяти.
– Что?
– Из-за пяти килограммов, Марина. И тебе об этом прекрасно известно. – Лиза тяжело вздыхала. – Не могу! Не могу, представляешь, проснуться в полшестого. Каждый вечер завожу будильник и... Бесполезно.

– Даже если бы ты проснулась. И пошла на стадион. И даже если бы отбегала десять кругов, ничего не изменилось бы. Твои килограммы вернулись бы потом за неделю. Стоит тебе сойти с дистанции – и все. Разве так не было?

Было. Так уже было не раз и не два.

Она бегала, правильно питалась, худела почти на семь с половиной килограммов. Любила себя, уважала, гордилась собой. Ловила на себе заинтересованные взгляды мужчин. И любила за это себя еще больше. Но стоило проявить слабость, неделю не выйти на пробежку и начать поедать любимые сложные углеводы, как все возвращалось. Лишние килограммы мстили и оседали жирком в самых неожиданных местах. Лиза хныкала, злилась, становилась невыносимой.

– Понимаешь, Лизок, ты такая, какая ты есть. С большой грудью, округлой попкой, красивыми коленочками. Это ты! И ты прекрасна. Ты очень нравишься мужчинам. Многим мужчинам, – уточняла обычно Маринка.

– Мне не нужны многие. Мне нужен... – Лиза умолкала, чтобы не расстроиться окончательно.

– Да, да, понимаю. Тебе нужен тот самый, один-единственный на миллион подонков – подонок, который бросил тебя со странной мотивацией. Мне кажется, что эта тема давно закрыта, Лизок!

Эту тему они закрывали обычно каждое утро. Но она – подлая, кровотокающая – возвращалась снова и снова. А как?

Этот один-единственный на миллион подонков подонок работал с ней в одной фирме. И увольняться не собирался. Сидел в соседнем кабинете. Сталкивался с ней нос к носу за день раз по десять. Мог при этом восхищенно цокать языком, пялясь на ее грудь. Мог нагло заглядывать в декольте. Мог запросто делать комплименты или отпускать сальные шуточки. То, что он полгода назад бросил ее и женился на дочке шефа, будто и не имело для него значения. И это будто не он разбил Лизе сердце и заставил чувствовать себя полной уродиной. Ей срочно надо что-то делать с ее жиром! Так он сказал, уходя из ее квартиры с вещами.

– В общем, так, подруга, – подводила черту под утренней встречей Марина, еще не выбравшись из машины окончательно и стоя одной ногой на асфальте. – Грядущие выходные обещают быть веселыми. Мой Макс возвращается из поездки.

Ее Макс возвращался из поездки раз в две недели. Плюс-минус пара дней. Его возвращение каждый раз ими бурно праздновалось. Постоянно какие-то новые знакомые Макса, которых он привозил с собой, тусили в Маринкиной квартире. Они жрали, пили, спали там. Скан-

далили с ее соседями, если те принимались ругать их за ночной шум. Прожигалось много денег. И это были не только деньги Макса. Маринкины деньги тоже таяли с катастрофической скоростью.

– Когда твой Макс от тебя устанет, ты останешься совершенно без средств, – предрекала Лиза, подбирая подругу по понедельникам на автобусной остановке. Внимательно вглядывалась в ее мутные глаза, замечала трясущиеся руки и добавляла: – И без здоровья.

– Чего это? – неуверенно возражала Марина, стараясь не дышать в сторону подруги перегаром.

– Ты сопьешься, дорогая.

– Ой, не начинай! – морщилась она. – Мы пьем только качественные напитки.

– И качественные напитки способны гадить печени.

И Лиза принималась воспитывать свою любимую подругу. Стыдила ее. И настоятельно советовала бросить этого парня с весьма и весьма сомнительной репутацией.

– Я его люблю, – неуверенно отзывалась Марина в таких случаях.

Сворачивалась в комочек на переднем сиденье и дремала всю дорогу до офиса. Расставались они в таких случаях холодно и не созванивались вечером. Лиза наказывала подругу за ее образ жизни, который – в чем она была уверена – был навязан ей Максом. Маринка не звонила, потому что просто-напросто отсыпалась после бурно проведенных выходных. Потом все как-то забывалось, и до следующего приезда непутевого возлюбленного Марины подруги прекрасно ладили.

И тут вдруг она снова о нем!

– И что с того, что твой Макс возвращается? – Лиза свела брови у переносицы, скользнув по сияющей подруге быстрым взглядом.

– Он возвращается не один. – Марина сладко улыбнулась.

– Какая новость! – фыркнула Лиза, прижимаясь к бордюрному камню, чтобы высадить подругу. – Он регулярно таскает к тебе в дом каких-то отщепенцев!

– Это не отщепенцы, Лизок. – Марина надула губы. – Это клиенты.

– Клиенты чего? Наркологического диспансера? – попробовала она пошутить.

– Лизок, ты не права, – проворчала Марина. – Так было, не спорю. Но уже пару месяцев Макс зарабатывает деньги. Вернее, мы с ним зарабатываем деньги на этих людях.

– На каких людях, Марина?

Лиза слушала рассеянно. Сзади уже сигналили. Надо было отъезжать от бордюра, чтобы не создавать пробку.

– Каучсерфинг! – просияла подруга, высаживаясь из машины. – Слыхала?

– И что?

– Так вот, мы с Максом этим теперь занимаемся, – крикнула Маринка, хлопывая дверью машины, и еще громче крикнула, прежде чем Лиза отъехала: – Это очень, очень, очень прибыльно!

Поймав в правом автомобильном зеркале поправляющую юбку Маринку, Лиза качнула головой и пробормотала:

– Вот дура! Подведет тебя твой Макс под монастырь.

Она забыла о них почти сразу, как въехала на автостоянку, принадлежащую их фирме. Перед ней маячил задний бампер машины дочери их босса. То есть жены ее бывшего парня, воспоминания о котором до сих пор терзали ей сердце. Зачем она здесь? К папе приехала? Мужа на работу привезла? Сама решила поработать, устав от безделья?

Лиза резко вывернула руль вправо, надавила на газ и чуть не снесла переднюю пассажирскую дверь джипа хозяйской доченьки. А вместе с дверью и своего бывшего возлюбленного. Он испуганно отпрянул, потащив на себя дверь. Краем глаза Лиза заметила его округлившиеся очи и указательный палец, вращающийся у виска.

Пошел к черту! В зеркало надо смотреть, прежде чем на улицу вываливаться!

Она загнала свою машину на привычное место. Глянула в зеркало, сокрытое в козырьке машины. И тут же приложила кончики пальцев к уголкам рта, пытаясь их приподнять. Горестной скобкой, предательской горестной скобкой складывался ее рот каждый раз, как она видела Пашу вместе с этой – его женой!

Вот что он в ней нашел, что? Худая до изнеможения, не то что некрасивая, даже несимпатичная. Короткие прямые волосы тусклого соломенного цвета. Бледное лицо, тонкие губы. И идиотская совершенно манера при разговоре постоянно трясти ладонями с растопыренными пальцами, будто воду с них отряхивала.

Лиза вылезла из машины, выдернула свою сумку с заднего сиденья. Накинула ручки на плечо. Провела ладонью по бедрам, расправляя офисное платье нежнейшего оттенка серого, с вставками нежнейшего оттенка розового. Поставила машину на сигнализацию и пошла к входу в здание фирмы.

Джип хозяйской дочки уже укатил. Паша маялся на ступеньках. Видимо, ждал ее, чтобы отчитать. Он любил попользоваться своим положением приближенного. Любил подчеркнуть при случае, что он теперь не тот, что прежде. И с ним следовало считаться. А она – мерзавка – чуть не сбила его сегодня, чуть не снесла им дверь дорогой иномарки.

Что-то подобное читалось в его недобро мерцающем взгляде. Когда Лиза поравнялась с ним и кивком поздоровалась, Паша гневно прошипел:

– Совсем с катушек слетела, да, Егорова?

– Вы о чем, Павел Анатольевич? – Лиза попыталась обойти его слева.

– Ты чуть не врезалась в нашу машину.

Нашу!

Лиза еле сдержалась, чтобы не фыркнуть. Насколько ей, а также остальным сотрудникам фирмы было известно, машина принадлежала папаше немичной жены Павлика. А также дом, в котором жили молодожены. Фирма, в которой Павлик трудился. И еще многое-многое другое принадлежало тестю. И переписывать свое имущество на зятя тот совсем не собирался. Более того, ходили слухи, что Павлик подписал брачный контракт весьма кабального содержания. Почему он согласился его подписать, оставалось только догадываться. Но Лиза сильно сомневалась, что Павлик горячо и искренне любил невзрачную девушку.

– Никто не пострадал, – отозвалась Лиза и снова попыталась его обойти.

– Ты чуть не сбила меня, – странно плаксивым голосом укорил Павлик, не давая ей пройти. – Лана чуть с ума не сошла от беспокойства.

Ланой звали его жену.

– Не сошла же. – Лиза натянуто улыбнулась. – К тому же, Павлик, не мне тебя учить, что, прежде чем распахивать дверь и рот, надо посмотреть в зеркало заднего вида. Внимательнее надо быть, Павлик. Внимательнее.

– Мстишь мне, да? Мстишь? – воскликнул он. – Все не можешь никак простить, что я бросил тебя ради Ланы?

Почему ей почудилась в его возгласе надежда? Хотела ее слышать и придумала? Или все же он надеялся, что Лиза ему мстит, потому что не может забыть, потому что до сих пор его любит?

– Павел Анатольевич. – Лиза осторожно и вежливо убрала его руку с перил лестницы, чтобы пройти внутрь здания. – Не тешьте себя мыслью. Мне не за что вам мстить. Скорее могу поблагодарить вас за то, что сделали меня счастливой, оставив полгода назад в одиночестве.

– В смысле? – Его идеальные брови высоко взметнулись, сделав его великолепное лицо трогательно беспомощным. – Хочешь сказать, что ты без меня счастлива?

– Счастлива, Паша.

Лиза делано расхохоталась, запрокидывая голову так, чтобы распущенные волосы взметнулись волной за плечами. При этом надо было постараться устоять на высоких каблуках, не опрокинуться назад, не растянуться на горячем уже с утра асфальте. Надо было постараться не стать посмешищем.

У нее вышло. Пашкина мордаха сделалась совершенно растерянной. Он не знал, как на нее такую – сильную, счастливую, независимую – реагировать.

– Поздравляю, – буркнул он, отступая от входной двери в сторону. – Молодец, че! Счастлива, значит.

– Ага.

Лиза так широко улыбалась, что заболели мышцы лица. И в шею вступило. А по спине под платьем нежнейшего оттенка серого, вдоль ее позвоночника, чертил себе дорогу предатель пот.

Да плевать! Она впервые за полгода видит его таким подавленным. Впервые. Надо успеть додуть. Успеть посеять в его душу зерна сомнения. Пусть принимаются. Пусть прорастают буйно. Пока Пашка, милый, славный, нежный, ее, только ее Пашка, снова не защитился от нее мантией хозяйского зятя, не опустил на лицо забрало новоиспеченного светского льва.

Лиза ухватила за ручку двери, распахнула ее, выпуская на волю прохладный офисный воздух. Шагнула внутрь. И вдруг ее будто подстегнули. Она обернулась, подмигнула Пашке с судорожной улыбкой и произнесла чудовищную ложь:

– Более того, Паша, я уже не одна.

Глава 2

Он не мог никак взять в толк, откуда у него возникало это странное ощущение, что за ним кто-то следит. Паранойя? Он сходит с ума? Или это от природного чудачества? Не просто же так над ним родственники посмеивались и с детства называли чудиком. В детстве чудик, в юности чудак, в зрелые годы сумасшедший. Так по схеме?

Вадим Тарасов откинулся на спинку рабочего кресла, задрал очки с носа на лоб и зажмурился.

Кресло было стареньким, с вытертой обивкой и истлевшим под обивкой поролоном. Никакого удобства для его уставшей спины. А спина у него уставала. Он целыми днями сидел, сутулясь над столом, создавая фарфоровые скульптурки.

Работа была не тяжелой и до недавнего времени совершенно никому не нужной. Так утверждала его бывшая жена, пересчитывая по нескольку раз его маленькую зарплату десять лет назад. Он всегда удивлялся ее потребности по нескольку раз перебирать в руках жалкие гроши, называемые зарплатой. Будто это помогло бы этой зарплате вырасти. Но это не помогло. И жена ушла. К рубщику мяса, который оставлял на суповом костном наборе чуть больше мяса, чем полагалось. Специально для его жены.

– Он купил тебя за триста граммов говядины, Нина! – тихо возмутился Тарасов, когда она объявила ему, к кому и почему уходит. – Это так низко!

– Дело не в говядине и не в граммах, Вадик. – Нина устало покачала головой, обвела ненавидящим взглядом пустые стены их квартиры. – Дело в заботе. В элементарном участии, которое человек проявил по отношению ко мне.

Будто он этого не делал! Будто не заботился о ней те пятнадцать лет, что они прожили вместе. И любил, и заботился, и старался угодить. Но, видимо, как-то не так он это делал. Не выходило у него так, как у мясника.

– Он купил тебя за триста граммов говядины, – с горечью повторил Тарасов уже ей в спину.

И закрыл за ней дверь. И забыл о ней через полгода, погрузившись в работу. В то время он, кажется, создал лучшие свои работы. И даже получил несколько заказов от состоятельных людей, которым приспичило набить свои дома фарфоровыми безделушками в одном стилевом решении. Он не понимал их стремления, но отработал честно. Заработал много. И даже ушел с фабрики и открыл свое собственное, пускай и крохотное, дело.

Работал с утра до ночи, превратив свою пустую после ухода жены квартиру в мастерскую. Потом места стало мало, и он перебрался в старенький дом давно умерших родителей. Сделал ремонт, закупил необходимое оборудование. На доме появилась красивая вывеска, стилизованная под гончарный круг. Упросил соседку Татьяну, главного бухгалтера фабрики, откуда он ушел, вести его бухгалтерию в свободное от ее основной работы время. Сам он ничего в этом не смыслил. Она нехотя согласилась. И Вадим снова погрузился в работу.

Как-то так вышло, что он не заметил собственного перерождения из чудака-неудачника в пользующегося спросом гончара. Как-то так вышло само собой. Он просто работал и получал от этого огромное удовольствие. Кто-то называл его керамистом. Кто-то сказочником. Люди записывались к нему в очередь. Его график был расписан на полгода вперед. Соседка Татьяна, давно оставившая основное место своей работы в пользу его бизнеса, ворчала, призывая остановиться и отдохнуть уже. Она просто не понимала, что его отдых и работа неразлучны. Его жизнь, его дыхание, его любовь и удовольствие – это его работа.

– Нельзя быть обеспеченным человеком и ходить в стоптанных башмаках и заношенных до дыр штанах, – высказывала она время от времени свое мнение, которое он находил женским и неправильным. – Жизнь проходит мимо, Вадим!

Он так не считал. Он открывал для себя новые формы, новые технологии, получал новые оттенки, смешивая краски. И был абсолютно счастлив. Каждое его творение было единственным. Оно было неповторимым. Оно рождалось в его руках. Он создавал его, любил, желал, расставаясь, мысленно оплакивал. Мог ли он в такие моменты думать о старых башмаках? Печься о штанах, вытянувшихся на коленях, или о продавленной спинке старого кресла, с которым сросся, как с живым организмом?

Вадим Тарасов, которого многие его родственники с раннего детства называли чудиком за то, что он мог часами рассматривать цветы и букашек в родительском палисаднике, был абсолютно и безгранично счастлив до недавнего времени.

И вдруг с некоторых пор все изменилось. Его безоблачное счастье неожиданно пошло мелкими трещинами, как неудачно обожженная в печи глазурь на неудавшейся скульптуре. И началось все, как он потом понял, ранней весной, когда он совершенно случайно встретил в городе Нину – свою бывшую жену. Да, именно тогда все началось, с того дня, как он снова увидел ее – сильно изменившуюся и еще более красивую, чем в молодости, когда они встретились.

Нина сильно похудела, и ей это очень шло. А еще ей удивительно шли длинные гладкие волосы невероятно непроницаемого черного цвета.

Узкие брюки до середины икры. Высокие каблуки. Тесная блузка ярко-бирюзового цвета.

– Потрясающе выглядишь, Нина, – сказал ей Вадим, пожав протянутую руку бывшей жены.

– Чего не могу сказать о тебе, Вадик. – Нина выгнула удивительной формы брови, отступила на шаг, оглядела его и укоризненно покачала головой. И протянула: – Да-а-а, Вадик... Слышала, и при деньгах ты теперь, а одет, как нищий. Что твоя соседка Таня не смотрит за тобой? Она же вроде опекуна при тебе.

– Татьяна мой бухгалтер. Работает у меня бухгалтером, – тут же поправился Вадик и неожиданно покраснел.

Мысль о том, что Нина может заподозрить его в отношениях с Таней, вдруг сделалась ему неприятной. Он никогда ни за что не стал бы крутить роман с подчиненной. Это бы страшно навредило делу. Да и не та женщина Татьяна. Не та. Разве можно ее сравнивать с Ниной?

– Ладно. Идем. Есть у меня пара часов свободного времени, – шлепнув его по плечу, Нина подтолкнула его к своей дорогой машине. – Усаживайся на переднее сиденье, мой разлюбленный бывший. Усаживайся, не стесняйся.

Сколько лет прошло, как они расстались? Пять? Семь? Десять? Он почти забыл о ней. Почти забыл, каким становился податливым рядом с ней. Послушался. Забрался в ее машину. Позволил возить себя по городу по дорогим магазинам. Не возражал, когда она заставила его перемерить кучу одежды и обуви. Безропотно заплатил целое – на его взгляд – состояние за дюжину пакетов с обновками, которые ему были вовсе не нужны. Потом уселся в кресло парикмахера. И пока тот колдовал над его непослушными прядями, не сводил глаз с Нины.

Господи, как же она была хороша! Грациозная, живая, красивая. Он тут же захотел ее. Не в постели, нет. Он захотел ее вылепить. Создать такой, какой сейчас видит. Он физически ощутил мягкую податливость материала под своими пальцами. Изгибы ее тела слишком хороши, непозволительно не сохранить их.

И, вернувшись домой, Вадим тут же сел за работу. Месяц! У него ушел почти месяц. Но когда закончил, ахнул сам. И Татьяна ахнула, увидев.

– Нинка, что ли? – всплеснула она руками и приблизила лицо к статуэтке, получившейся чуть больше в размерах, чем обычные его работы. – Точно, она! Я ее видела недавно, точная копия.

– И я видел, – признался нехотя Вадим. – Красивая.

– А чего ей красивой-то не быть? – возмутилась вдруг Татьяна громко и отошла от скульптуры подальше. – Одного мужа бросила в самый трудный для него момент. Переметнулась ко второму. Угробила его, благополучно прибрав к рукам его бизнес. Тоже мне, мясная королева!

– Что значит угробила? – услышал Вадим только это.

– Так помер он.

– Как помер? Когда?

– Да уж скоро год. – Татьяна смерила его подозрительным взглядом. – А ты чего это спрашиваешь-то? Голос дрожит! Не смей, Вадим, слышишь? Добра не будет точно! Даже не думай!

А он думал. Думал и думал о своей бывшей жене, променявшей их семейную жизнь на триста граммов говядины. И однажды, осмелев, решил к ней поехать. Было это...

Конец июня это был, точно.

Вадик надел что-то из обновок. Долго причесывал волосы, стараясь воссоздать мастерство парикмахера, одобренное Ниной. Упаковал в красивую бумагу статуэтку – точную копию Нины. И поехал.

Она хорошо устроилась, Татьяна не соврала. Большой дом, стабильный бизнес, целая команда помощников и прислуги. Вадик почувствовал себя одним из ее работников, когда ступил за ее ворота. Смутился и без конца нервно сглатывал, дожидаясь, когда хозяйка спустится к нему на первый этаж. Возле входных дверей его оставила прислуга дожидаться.

Но Нина неожиданно ему обрадовалась. Приняла тепло. Накормила и оставила до утра. В своей спальне. Разделив с ним широченную кровать. И подарок Вадика ее растрогал. Она даже прослезилась.

– Я успела забыть, как ты талантлив, милый, – прошептала она, восторженно рассматривая статуэтку. – Это потрясающе!

Потом были две недели тесного общения. Две недели, наполненные огнем ее желания, красотой ее страстного тела. Через две недели Вадим впервые за долгие годы решил позволить себе отдых и улетел с Ниной на один из отечественных курортов, где у нее имелась недвижимость, доставшаяся в наследство от покойного мужа-мясника.

Море Вадиму понравилось. Он мог часами слушать меланхоличный шелест волн. Мог не уходить с пляжа, наблюдая за сменой красок и форм. Но вот обязательные тусовки по вече-

рам его угнетали. Вадим находил дюжину причин, чтобы не присутствовать на дне рождения у местного мэра. У него принимались болеть все зубы разом, когда обязательно надо было лететь на вертолете в загородное имение одного из крутых бизнесменов. А уж прогулки под парусом вообще не имели к нему никакого отношения. У него неожиданно обнаружилась морская болезнь.

Закончилось все это крупной ссорой. И Вадим, собрав свои вещи, съехал из отеля, в котором поселился вместе с Ниной.

Вернуться в свой город в разгар сезона оказалось весьма трудной задачей. Дешевых билетов на самолет не было. А он оказался весьма ограничен в средствах после бурного отдыха с Ниной. Нет, он, конечно же, мог позвонить Татьяне и потребовать, чтобы она бросила ему на банковскую карту необходимую сумму. Но, представив, как она вонзит кулаки в бока и, прищурившись, воскликнет: «А я тебе говорила!», – Вадим отказался от этой идеи. Ему тогда станет еще гаже. А гадко ему было – и еще как!

Не следовало начинать с Ниной все заново. Не следовало. И притчу про реку знал, в которую не входят дважды. И про разбитый кувшин помнил. И Татьяна опять же предостерегала его. Нет! Не послушал голоса разума, советов друзей. Поэтому и пришлось ему метаться на сорокаградусной жаре между аэропортом и вокзалами. В результате уехал с курорта на машине. Увидел объявление о наборе попутчиков. Долго гуглил в телефоне о новом виде сервиса – райдшеринге – и решился.

Доехал нормально. Попутчики пару раз менялись. Были и спокойные, и не очень, и пьяный один попался. Перед самым городом водитель подобрал какую-то девушку. Так она проплакала всю дорогу до города. Водитель был озадачен и попытался завязать с ней разговор. Но девушка вежливо послала его куда подальше и продолжила рыдать.

Когда Вадим наконец оказался в своей квартире и поставил на огонь старенький чайник, он почувствовал себя самым счастливым человеком на земле. Утром в мастерской его ждал крупный заказ, который надо было выполнить за пару недель. И, погрузившись с головой в работу, он почти забыл обо всем: и о море, и о своей неудавшейся попытке наладить личную жизнь, и о странных попутчиках, с которыми его столкнула судьба.

Через две недели, упаковав заказ, он отправил его транспортной компанией. Два часа проверял с Татьяной отчетность. Остался доволен результатами. Пошел в кафе по соседству с его мастерской, чтобы перекусить, и тут почувствовал «это». За ним следили! И это было совершенно точно. И не было ни черта никакого покалывания в затылке. И третьим глазом он ничего не уловил такого. Он просто обнаружил в непосредственной близости от себя одного человека – мужчину, который попадался ему на глаза уже несколько раз. В самых разных местах. И этот человек, когда Вадим смотрел на него, резко уводил взгляд в сторону и принимался совершать всякие нелепые действия: завязывать шнурок, читать газету, смотреть в небо.

– Не бери в голову, может, сумасшедший какой-нибудь, – отмахнулась от него Татьяна, когда он ей пожаловался. – Я вот вечером за тобой выйду и понаблюдаю.

Вышла. Понаблюдала. И никого не увидела.

– Говорю же, случайность, – вывернула Татьяна нижнюю губу валиком. – Не бери в голову.

Но человек потом обнаружился снова. Возле его дома. Утром почти рядом с ним встал на светофоре. Вечером снова терся возле дома, где жил Вадим.

– Слушай, я тут подумала... – Татьяна покусала губы, когда он ей снова пожаловался. – Может, Нинка твоя к тебе наблюдение приставила? А что, она может.

– А зачем? – удивленно подергал Вадим плечами. – Мы же расстались. Второй раз. Уже второй раз.

– Это ты расстался. А она, может, и нет. И теперь пасет тебя.

– Зачем ей это?

– А затем, чтобы знать, что ты ее не бросил ради какой-нибудь другой женщины.

Объяснение Татьяны было, как всегда, женским и глупым. Вадим от него отмахнулся. Но для себя решил быть бдительнее. Видимо, его наблюдатель тоже так решил, потому что он перестал его видеть повсюду. Но странно – чувствовал его присутствие.

Потом к нему повалили заказчики. Были всякие: и нормальные, и скандальные, требующие свой заказ «еще вчера». Одного из визитеров он едва из дома за шиворот не вытащил. Звонила Нина, обижалась. Просила его быть разумным и расставить наконец приоритеты в жизни. Он не стал с ней спорить. Но от встречи отказался. Единственное, на что он решился, это начать новую работу, посвященную ей...

Вадим снял очки со лба, аккуратно свернул дужки и убрал очки в старенький любимый футляр. Встал с продавленного кресла, осторожно задвинул его под рабочий стол. Стащил с себя фартук, нарукавники. Глянул на часы. Он снова заработался. Почти одиннадцать вечера. Пора закрываться, ставить все на сигнализацию. В мастерской ждали отправки сразу три заказа. Решено было отправить завтра. Татьяне понадобилось еще время для подтверждения платежа. Он не против. Она молодец. Ас в своем деле. Потому и не прогорел, не вылетел в трубу с таким вот «грошовым, бесполезным бизнесом». Или просто он так разумно тратит? Черт его знает!

Вадим проверил пломбы на двух ящиках, любовно погладил по их бокам. Маленькие скульптурки в одном из ящиков, еще не опломбированном, предназначались в подарок детям из интерната в соседнем городе. Вадим даже от оплаты отказывался. Заказчик настоял. Сказал, что деньги бюджетные, они не имеют права их не освоить. Так, значит, так. Им наверху виднее.

Он проверил печь, горелки, разложенные на верстаке инструменты. Осмотрел запоры на окнах. Шагнул в коридор, где у него располагался пульт сигнализации, и тут услышал «это».

Чужое дыхание! Он точно его слышал – шумное, горячее, опасное. Вадим не мог ошибиться. В этом старом родительском доме, переделанном им под мастерскую, он знал каждую щель, был знаком с каждой тенью, узнавал каждый шорох. То, что происходило сейчас слева от него в узком простенке, было незнакомым, чужеродным. Там кто-то прятался!

– Эй! Кто здесь? – Он попытался говорить грозно, властно, но сам опешил от того, как слабо и безжизненно зазвучал его голос. – Кто здесь? Выходи! Я сейчас вызову полицию!

И он полез в левый задний карман штанов, куда всегда клал мобильник. И вдруг его не обнаружил. И тут же вспомнил, что оставил его на рабочем столе. Рядом с очками, которые стащил со лба и убрал в старый очечник. Он часто его забывал. И обнаруживал пропажу лишь дома. Но не очень расстраивался. Ему некому было звонить поздними вечерами и тем более ночами. Сейчас от собственной забывчивости Вадим почти обезумел.

Выход! Должен же быть какой-то выход! Он не успеет выбраться на улицу и затеряться в толпе прогуливающейся молодежи. Для этого нужно будет повернуться спиной к тому, кто прячется в узком темном простенке. Если он повернется к нему спиной, он погибнет! Но за что, господи? За что? Зачем кому-то его убивать? Он никому не сделал зла. Всю свою жизнь он только и делал, что лепил из глины крохотные скульптуры, которые кому-то иногда казались произведениями искусства. Он приносил людям радость, не боль. Он не может умереть сейчас! Не должен! Никто не может желать ему зла, потому что он безобидный человек и...

Надо вызвать сюда полицию каким-то еще способом! Он стоит прямо у пульта сигнализации. На нем есть тревожная кнопка. Он должен дотянуться до нее и нажать. И тогда он спасен. Он должен быть сильным. Должен! Хотя бы раз в жизни он должен проявить мужество, хотя бы ради себя!

Тот, кто шумно дышал, прячась в темном простенке, угадал его мысли. Он не позволил Вадиму дотянуться до сигнальной кнопки. Он нанес удар прежде, чем у Вадима получилось спасти себя. Точный, стремительный, сокрушительной силы удар, стоивший Вадиму Тарасову жизни.

Глава 3

– Елизавета Андреевна, срочно ко мне, – прокаркала Анастасия Сергеевна, заместитель генерального по общим вопросам. – Срочное дело!

Лиза с сожалением посмотрела на чашку с чаем, только что заваренным, предназначенным запить огромный кусок йогуртового торта, ее любимого. У Сони, ее коллеги по отделу, завтра начинался отпуск. Вот она и притащила в отдел тортик. Две девочки отказались его есть по причине высокой калорийности. Лиза так издеваться над своим организмом не собиралась. Это не жареные пончики и не беляши, в конце концов. Йогуртовый торт с тонкой прослойкой из теста, грудой фруктов и нежнейшего белкового крема, почти без сахара.

– Блин! – выдохнула она и, оттолкнувшись от стола, проехала в кресле до самой стены. – Вот вечно так! Она будто сквозь стены видит.

– Анастасия? – с пониманием кивнула Соня, не отрывая взгляда от монитора. Она вторую неделю в деталях изучала фотографии забронированного отеля. – Она такая. Она может. Не удивлюсь, если сейчас скажет, что ошиблась и ты ей не нужна.

– Не удивлюсь, – проворчала Лиза.

Встала. Одернула платье нежнейшего оттенка серого. Глянула на себя в зеркало. Щеки и крылья носа чуть поблескивали, надо бы припудрить.

– Иди уже, – фыркнула Соня. – Красивая, красивая. Будешь слишком красивая, Настя тебе не простит. И уйдет куда-нибудь подальше. До конца дня. А у тебя работы теперь за двоих. Сама понимаешь, я уже несколько дней как выпала из обоймы.

Лиза понимала. И немножко ей завидовала. Не ее предстоящему отпуску. А тому, что Соня летит отдыхать с человеком, которого любит, который любит ее. И которому плевать, между прочим, что Сонька регулярно набирает в весе. Потом, правда, успешно сбрасывает все в спортивном зале. Но до этого-то набирает! И в постель к нему ложится с этим самым лишним весом. И ничуть его не раздражает. Соня говорит, что ему даже нравятся ее периодически округляющиеся формы. Он просто ее любит. Любит всякую-разную, и все.

– Лизонька, наконец-то! – воскликнула Анастасия Сергеевна, тут же прошлась по ней цепким взглядом. – У тебя снова новое платье! Очень красивое. Очень тебе идет.

– Спасибо. – Лиза осторожно улыбнулась, опасаясь преждевременно радоваться комплименту.

– Но на мой взгляд, оно могло бы быть и чуть свободнее, – разбавила похвалу ядом Анастасия Сергеевна, не разочаровав нисколько. – Зад слишком рельефно выделяется. Слишком. Когда худеть-то собираешься, а, Егорова?

И, противно захихикав, она принялась диктовать задачу.

– Человек очень... – Она пожевала губами, подбирая слова. – Мягко говоря, не знающий, чего он точно хочет. К тому же у него все буквально есть! Поэтому к выбору подарка надо подходить творчески. Ты понимаешь, о чем я?

Лиза еще более осторожно улыбнулась.

Эта старая перечница решила послать ее за подарком ко дню рождения Ланы? Женщины, которая увела у Лизы любимого? Это что? Это как? Это шутка такая, да? Или новый вид пытки? Или месть за ее сегодняшней неосторожный маневр на машине?

Господи! Когда же все это закончится? Надо, надо было уволиться сразу, как Пашка ушел от нее к Лане. Сразу же! Нечего было корчить из себя независимую и сильную даму. И с почтением кивать, когда генеральный, он же хозяин фирмы, попросил ее отнестись ко всему с пониманием и продолжить дальнейшее взаимовыгодное сотрудничество.

Дура!

– Что же она хочет? – севшим от тайного внутреннего бешенства голосом спросила Лиза.

– Чего хочет она, я не знаю. Я знаю, чего хочу я. – Тонкие, сухие, как ветки, пальцы Анастасии Сергеевны разошлись веером. – Это должно быть что-то невероятно красивое, не громоздкое, изысканное и неизбитое. Понимаешь, о чем речь?

– Не совсем.

– Ладно. – Зам по общим вопросам с сожалением причмокнула. – У меня есть одна идея.

Идеей оказалась маленькая чайная пара, сделанная на заказ у какого-то знаменитого керамиста. Как поняла Лиза из долгого пространного объяснения, важен был не столько сам подарок, сколько то, кем он был выполнен. Оказывается, к этому мастеру записывались на месяцы вперед.

– Заказ был сделан загодя. Должен был быть выполнен еще пару дней назад. Но как-то не срослось у меня заехать и забрать его. Это сделаешь ты, дорогая. – Анастасия Сергеевна мстительно улыбнулась. – Думаю, тебе не сложно. К тому же все уже оплачено.

– Не сложно.

Лиза записала под диктовку адрес мастерской, где надлежало забрать авторскую работу знаменитого мастера, о котором она лично ни сном ни духом. Развернулась, чтобы уйти, как Анастасия вслед ей прошипела:

– Это еще не все, дорогая.

Лиза остановилась. Оглянулась. И ей сделалось нехорошо. От того, как эта пожилая вредная тетка смотрела на нее сейчас. От того, как мерзко ухмылялась, лениво передвигая канцелярские принадлежности по столу.

– Что-то еще, Анастасия Сергеевна? – послала Лиза ей через кабинет лучезарную улыбку.

– Да. Подарок ты должна будешь отвезти сама. Лично, – проговорила она и прочертила длинным ногтем по столу. – И это не обсуждается.

Лиза выскочила из кабинета, не забыв громко хлопнуть дверь. По коридору передвигалась не помнила как. В себя пришла уже в машине. Откинула козырек, уставилась на свое отражение в зеркале. Дрожащие губы, мученический взгляд, бледные щеки. Нет, с этим надо срочно что-то делать. Срочно! Ей нужен человек, мужчина. Тот, кто заполнит пустоту в ее постели и, если получится, в душе. Что там говорила Маринка про планы на выходные? Возвращается ее Макс. С кем-то? Да, какой-то бизнес у них с Мариной. И Макс возвращается с клиентом.

«Каучсерфинг», – вспомнила Лиза иностранное слово. То есть он привезет какого-то путешественника и поселит у Маринки за какую-то плату. А в доме этого самого путешественника, возможно, тоже кто-то поселится на это время. И этого второго, возможно, тоже Макс туда повезет или уже отвез.

А он не так уж и глуп – парень ее подруги, кажущийся Лизе чрезвычайно безрассудным. Занимается частным извозом, зарабатывая на этом деньги. Теперь вот решил вместо собутыльников у Маринки селить путешественников. Интересно, что за путешественник? Может, стоило на него обратить внимание?

И она – глупая – позвонила подруге и задала ей тот вопрос. И уже через пять минут пожалела об этом. Планов, которые Марина настроила с ходу, хватило бы на четверых. Она распланировала судьбу Лизы до самой старости.

– А чего же он тогда в отеле не поселится, раз такой замечательный? – усомнилась она в качествах подъезжающего к их городу путешественника.

– А зачем же столько денег лишних тратить? – удивилась Марина. – Ты ваще, Лизок! Там за сутки берут за номер от двух с половиной. И это условия так-сяк. А если получше, то уже четыре-пять тысяч, не меньше. А у нас с Максом вполвину меньше. То есть за три ночи шесть тысяч, плюс домашняя кухня и личный экскурсовод.

– Ой, Марина, ну какой из тебя экскурсовод! – фыркнула Лиза, сверилась с навигатором, ехать еще полчаса. – Ты в собственном микрорайоне способна заблудиться.

– А кто говорит обо мне? – Подруга странно затихла и неуверенно закончила: – Вообще-то, мы с Максом тебя имели в виду.

– Меня? Решили меня экскурсоводом в ваш маленький семейный бизнес взять? А условия? Зарплата? И когда собирались мне об этом сказать, друзья мои дорогие?

– Завтра, – буркнула Марина, по тону подруги поняв, что та не в восторге. – Че ты сразу начинаешь, Лиз? Это тебя отвлечет, если что. Новые знакомства. И все такое. Тем более я Максу строго наказала уродов не привозить. И баб тоже. Нужны мне они тут, в доме. Труссы будут по моей ванной развешивать с лифчиками. Ладно. Если не согласна, буду Ленку просить. Она со своим разбежалась и сейчас в активном поиске. Но сразу хочу сказать, от такого мужика отказываться – дурой быть, Лизок.

– А ты его видела? – повысила голос Лиза.

Орала не на подругу скорее, а на лихача, вывернувшего из переуллка прямо под ее бампер. Еле среагировала. Еле удержала свою машину.

– Макс фотку переслал. Крутой мужик, Лизок. Будешь потом жалеть.

– Потом – это когда? – рассеянно поинтересовалась Лиза, ловко маневрируя в плотном потоке машин.

– Вот как Ленка с ним придет под ручку на нашу вечеринку, так и будешь жалеть. – Маринка тяжело вздохнула и с нажимом добавила: – Сильно будешь жалеть.

– Фотка, говоришь, есть? – Лиза притормозила, навигатор активно ее разворачивал влево. – Перешли.

– Ладно, – почему-то не обрадовалась подруга. Скорее, насторожилась. – А ты чего вдруг позвонила-то среди дня? Случилось что?

– Я что, не могу позвонить лучшей подруге? Просто так, без повода?

– Можешь, конечно. Но ведь не звонишь. Никогда не звонишь днем. Потому что ты крайне занятой человек, – передразнила подруга ее интонации. – А сейчас вдруг звонишь. Едешь куда-то. Я же слышу твой навигатор. Куда он тебя разворачивает, Лиза? Что случилось? Ну?

И она рассказала ей все. Про утро, которое не задалось с самого начала, потому что она проспала пробежку на стадионе и потом презирала себя за слабость. Про то, что чуть не снесла дверь машины своей соперницы. И про странную просьбу зама генерального по общим вопросам.

– Как думаешь, Марин, это она выслужиться хочет перед Ланой, унижая меня? Или это личная просьба хозяйской дочки?

– Не ошибусь, если предположу, что и то и другое, вместе взятое. – Голос подруги наполнился печалью. – Надо было уходить тебе сразу, Лизок. Как только этот единственный на миллион, из всех подонков самый главный подонок бросил тебя ради этой... Надо было сразу тебе увольняться. Это сочли бы нормальным.

– А теперь что? Поздно? – Лиза дернула руль влево, и машина нырнула в узкий проулок с односторонним движением.

– Теперь это бегство, трусость. Ты же не доставишь им такого удовольствия, нет?

– Нет. Совершенно точно нет. И я заберу сейчас эту чертову чайную пару. И вручу лично хозяйской дочке. Но перед этим посету парикмахерскую. Сделаю прическу и макияж.

Лиза резко откинула солнцезащитный козырек, взглянула в зеркало. Ее ежедневный макияж включал в себя два крохотных карандашных штриха во внешних уголках глаз и губную помаду скромных неярких тонов. Так не годится. Для визита к сопернице не годится.

– И обнови маникюр, дорогая, – воодушевилась сразу Марина. – На правой руке у тебя облупился лак на указательном пальце. Я сегодня заметила.

– Глазастая какая! – рассмеялась невольно Лиза и сместила взгляд на свои пальцы. – В самом деле. Я даже не заметила.

– Это тебе свойственно. Не замечать того, что под самым носом. – Марина тяжело вздохнула. – Пашка изменял тебе несколько месяцев, а ты не замечала. Подозреваю, если бы Лана не проявила настойчивость и не забрала его себе, все так бы и продолжалось до сих пор.

– Что продолжалось?

Лиза закрутила головой в поисках парковочного места. Узкая проезжая часть с односторонним движением уходила дальше и терялась в густых зарослях сирени. Ни слева, ни справа никаких дорожных карманов. Бордюрный камень тоже отсутствовал. Да и тротуарная дорожка не обновлялась сотню лет, наверное, красуясь щербатым асфальтом. Недолго думая, она подъехала к самому входу в крохотную мастерскую с красивой вывеской в виде гончарного круга. Заглушила мотор, вылезла на улицу. Кажется, здесь.

– Эй, ты где, Лизок? – окликнула ее подруга. – Чего затихла?

– Я не затихла, я жду ответа. Что продолжалось-то? Вообще-то, я приехала. Забытое богом место, скажу тебе. А по слухам, здесь произведения искусства творят. Даже странно. Народу вокруг никого.

– Улица какая? – деловито поинтересовалась Марина. И когда Лиза назвала, коротко присвистнула. – Куда она тебя, однако, послала!

– А что не так?

Лиза беспомощно оглядывалась. Под вывеской не было никакого входа. То, что казалось дверью, было декоративным панно. Куда идти, она понятия не имела.

– Этот микрорайон начали сносить. Расселять, одним словом. Какие-то запреты вынесла природоохранная служба.

– Где вход-то?

– Наверняка эта мастерская когда-то была жилым домом.

– Похоже на то. Двери не найду, Марин, – пожаловалась Лиза, топчась на месте.

– А под вывеской?

– Под вывеской обманка.

– Тогда обойди дом. Где-то вход должен быть. Сбоку, я не знаю, сзади. Как-то раньше жильцы туда попадали. И сам хозяин мастерской.

– Ладно. Иду искать, – отозвалась ворчливо Лиза, сворачивая за левый угол старого дома в три окошка. И вдруг спохватилась: – Так ты мне не ответила, подруга! Что продолжалось бы, не уйди Пашка от меня к Лане?

– Обман, – со вздохом молвила Марина. – Этот обман продолжался бы в твоей жизни вечно!

Лиза раздраженно ткнула пальцем в телефон, отключая его. Она, может, и не такая пронырливая, как Марина, тут спорить смысла не было. Но не идиотка точно. И если бы Паша ее обманывал с Ланой еще какое-то время, она бы непременно это почувствовала. Непременно. Еще бы месяца два, три, и...

– Да что же такое-то! – воскликнула Лиза, упираясь в бетонный забор. – Где же этот вход-то?

Вход обнаружился справа. Она просто не туда свернула. Красивый вход, старинные каменные ступеньки, резной козырек над дверью. Колокольчик вместо звонка. Вывеска, гласившая, что никаких перерывов на обед в этой мастерской нет. И что ждут здесь всяк входящего с восьми утра до восьми вечера. Даже в субботу и воскресенье.

Лиза дернула за шелковый шнурок, еще и еще. Никто не поспешил ей открыть. Она взялась за круглую медную ручку, повернула ее и потянула дверь на себя. Не соврала. Дверь открылась. И правда ждут.

Она вошла и минуту стояла, привыкая к темноте в просторном холле. Когда-то давно это были сенцы, поняла Лиза. У бабушки в деревне был дом, в который они попадали через такое помещение. Просторное, холодное и темное. Отец всегда ворчал о бездарно растрачиваемых

квадратных метрах. Уговаривал бабушку утеплить сенцы, сделать здесь кухню. Та смеялась и отнекивалась. И на десяти квадратных метрах стояла длинная широкая скамья, выкрашенная половой краской, на ней три ведра с водой. Про запас. Тумбочка с керосинкой. Плетеная корзина с картошкой. И все.

Что находилось сейчас в сенцах, переоборудованных под холл гончарной мастерской, Лиза не знала. Темнота была кромешной. Сколько она ни жмурилась, ее глаза превратиться в прибор ночного видения не сумели. Она пошарила ладонью по стене слева и справа от входа. Никакого намека на выключатель.

– Эй! Здесь есть кто-нибудь? – громко крикнула она.

И медленно двинулась вперед на узкую полоску света у самого пола. Там была еще одна дверь, поняла она. И в щель между полом и дверью проникал свет из соседнего помещения. Или из окна.

– Странные люди, – проворчала Лиза, подходя к двери и распахивая ее, – есть вывеска, часы работы, но некому встретить.

Она оказалась права. Встречать ее было некому. Потому что тот, кто должен был ее встретить и отдать заказ, лежал прямо у ее ног в странной позе. Она едва не наступила на него, когда открыла дверь, из-под которой пробивался луч света.

Мужчина лежал на животе, уткнувшись лицом в красивый ковер ручной работы. Руки лежали вдоль туловища. Ноги широко разведены. Лизе бросились в глаза поношенные брюки, стоптанные каблуки на башмаках, задравшаяся на поясице старенькая клетчатая рубашка. Если бы не огромное темное пятно, пропитавшее красивый ковер ручной работы, можно было бы подумать, что мужчина спит. Зачем-то забрался в эту модную мастерскую с дорогим ковром, стенами, выложенными декоративным кирпичом, стильной люстрой. Забрался сюда, вдруг устал и прилег отдохнуть.

Но вот это пятно!

– Это кровь, – в третий раз повторила Лиза бестолковому малому из службы экстренных случаев. – Я не трогала ничего. Не переворачивала мужчину. Я пришла за заказом. Дверь не заперта. И он лежит.

– Больше никого там нет?

– Я не знаю! Я не могу через него перешагнуть! – приврала Лиза, уже десять раз пожалев о своей правильной гражданской позиции, заставившей ее позвонить, а не удрать с места происшествия. – Никто не отзывается. Человек умер! Этого мало? Вызовите полицию, наконец!

– Оставайтесь на линии, – меланхолично отозвалась бестолочь.

Минуту, а то и больше, Лиза слушала Бетховена, транслируемого со странным звуковым искажением. Потом снова тот же мужской голос спросил:

– Вы еще здесь?

Он будто надеялся, что она удерет и перестанет наконец выносить ему мозг. Будто ждал, что она наконец одумается и не будет стоять на ватных ногах над трупом неизвестного мужчины, так и не добравшегося до выхода. Стоять и рассматривать помещение, из которого этот бедняга так и не сумел выбраться.

– Да. Я здесь.

– Сейчас выйдите из помещения, там может быть опасно, – неожиданно предостерег ее мальй. – И оставайтесь в безопасном месте до приезда полиции.

– А как найти мне это безопасное место?

Лиза попятилась. Стало казаться, что старый дом, переделанный под мастерскую, полон странных вздохов и шорохов. И будто скрипят половицы в соседней комнате.

– Вы на машине? – спросил мальй и точно зевнул.

– Да! – Лиза продолжила пятиться.

– Сядьте в машину, запритесь и ждите. Полиция уже едет.

И отключился. И даже не дождался, пока она вый-дет из здания, сядет в машину и запрется там. У нее все вышло без его помощи. Лиза закрылась в машине и все то время, пока к месту происшествия ехали полицейские, крутила головой.

Народу никого. Просто как будто все вымерли. А место-то, место обитаемое. Сигаретные пачки у переполненной урны. Там же две пустые бутылки из-под пива. Подсолнечная шелуха на тротуаре через проезжую часть от мастерской. Значит, бывает здесь народ, бывает. Может, вечером, не сейчас, в разгар рабочего дня? Народ здесь гуляет, пьет пиво, курит, грызет семечки. Мог кто-то из них что-то видеть, слышать или... убить этого несчастного?

– Да кто угодно мог это сделать, девушка! – огрызнулся молодой оперативник, когда она пристала к нему с вопросами и принялась докладывать о результатах своих наблюдений. – Отойдите и не мешайте.

– Я мешаю? – возмутилась Лиза, стукнув себя ладонью в грудь. – Я вам помогаю. Ценной информацией снабдила, а вы!

Оперативник, кажется, он представлялся капитаном Вихровым, резко повернулся и уставился на нее, неприятно прищурившись. Он скрестил руки на груди, мускулы на руках напряглись, натягивая ткань легкой рубашки. И Лиза вдруг подумала, что оказаться в таких руках, наверное, очень здорово. Тут же одернула себя: человек спортзал посещает, между прочим, а не дрыхнет под будильник до последнего, просыпая день за днем пробежку.

– Я жду, – требовательно произнес Вихров, продолжая рассматривать ее с неприятным прищуром.

– Чего ждете?

– Ценной информации.

– Но я же вам уже сообщила, – неуверенно возмутилась она.

– Про груды мусора на тротуаре и возле урны? А-а-а, ну да, ну да. – Вихров ядовито усмехнулся. – Очень ценная информация. Много детективов читаете, так?

– Нет. Не читаю. И не смотрю, – призналась Лиза. – Я книжки про любовь предпочитаю, которой в жизни не существует.

Последние слова она произнесла едва слышно. Но Вихров уловил. И неожиданно согласился. Кивнул и повторил за ней:

– Не существует, – перевел взгляд с Лизы на вывеску мастерской и досадливо произнес: – И кому этот чудака помешал? Жил человек тихо. Никому не причинял неудобств. Делал красивое дело. Его уважали здесь. Даже гопники не лезли к нему, чьи следы присутствия вы здесь обнаружили. И вдруг! Убийство! Уму непостижимо.

– Его ограбили? – поинтересовалась Лиза, расслышав в голосе Вихрова вполне человеческие нотки.

– Что?

Он вздрогнул и оглядел ее с таким изумлением, будто видел впервые или забыл о ее существовании.

– Убийство было совершено с целью ограбления? – повторила Лиза, внутренне оскорбившись.

– Выясняем, – туманно обронил Вихров.

Со вздохом полез в задний карман широких джинсов, достал блокнот, авторучку и без лишних предисловий запросил все ее данные.

– Зачем, говорите, вы сюда приехали?

– За подарком меня послали. Заместитель генерального директора по общим вопросам. Анастасия Сергеевна. Можете позвонить, спросить.

– Спросим непременно, – произнес со вздохом Вихров.

Никого он спрашивать не станет, поняла Лиза по интонации. Она здесь случайный свидетель, обнаруживший тело. Отрабатывать еще и ее значило терять время.

– Кому подарок? – зачем-то спросил он.

– Что? – Лиза сделала неуверенный шаг к машине.

– Подарок кому предназначался, гражданка Егорова?

– Дочери хозяина, – буркнула Лиза, крутанула на пальце ключи от машины. – Я вам больше не нужна? А то я поеду.

– Как же вы поедете без подарка? – И снова его веки почти сомкнулись, когда он ее разглядывал. – Хотя бы взгляните, там он, нет.

– Но я не хочу! – возмутилась Лиза. – Я поеду и куплю другую чайную пару. Я не хочу туда заходить снова.

Ее неожиданно затошнило. Вспомнился темный коридор, узкая полоска света под закрытой дверью. Мертвый мужчина на ковре, пропитавшемся его кровью. Она точно не хочет туда возвращаться.

– Идемте, – приказал Вихров и кивком указал ей на угол дома.

– Я не хочу! – произнесла Лиза со стоном. – Там он... Мне боязно.

– Да увезли его уже, – снова печально вздохнул капитан Вихров. – Нет его там.

– А я вам зачем? – Она все еще не двигалась с места.

– Мне нужен ваш внимательный непредвзятый взгляд, гражданка Егорова. Может, что-то покажется вам подозрительным. Может, что-то поменялось за то время, пока вы сидели в машине. У нас нет еще точного времени наступления смерти, но вполне возможно, убийца был в мастерской, когда вы туда входили. Такое объяснение вас устраивает?

И, нелюбезно подхватив ее под локоток, капитан Вихров поволок ее за угол дома.

Глава 4

Анна рассматривала человека, который второй день ходил за ней по пятам, через залитое дождем стекло закусочной. Она очень внимательно его рассматривала, пыталась вспомнить, где она могла его раньше видеть. Она точно его видела когда-то. Совершенно точно. Но вот когда? Где? При каких обстоятельствах? Или он просто ей кого-то напомнил? Память. Память, что с тобой стало?

Человек был мужчиной. Достаточно высоким. Не худым и не толстым. Еще он был сильным. Она поняла это по его походке. Он напомнил ей спортсмена, когда с легкостью перепрыгивал через широкие лужи и ловко огибал людей, попадающих ему на пути. Никакой суеты, все четко.

Это снова он, подумала Анна со вздохом и полезла в сумочку за телефоном. Это снова он – ее бывший муж установил за ней слежку. Приставил наблюдателя, чтобы насобирать как можно больше компромата, способного навредить Анне в суде.

Суд уже через неделю. На этом заседании будет решаться судьба их дочери. Маленькой Аняты, голубоглазой, кудрявой, смешливой шалуни. Он хочет отобрать ее у Анны. Хочет оставить ее себе. Как очередной трофеей, как очередную награду в борьбе за титул победителя. Анятка была ему совершенно не нужна! Все то время, что она прожила у него, а это почти год, он виделся с дочерью дней двадцать, если сложить, не больше. Девочка воспитывалась гувернантками и свекровью. Папа делал деньги. Папа делал людей. Кидал их, унижал, втоптывал в грязь. Как в случае с ней – с его бывшей женой Анной.

Почувствовав, что сейчас расплатится на глазах посетителей закусочной, она подняла бокал с ледяным пивом, приложила к его запотевшему краю и щедро отхлебнула. Подцепила с тарелки соленую сушку и впила в нее зубами, чтобы не завить прилюдно.

Этот гад – ее бывший муж – обложил ее со всех сторон. Он отслеживал каждый ее шаг по кредитке, которую вручил при разводе в качестве отступных. Он присылал ей по почте фотографии ее проколов. Фотографии сопровождались издевательскими комментариями. И

еще он звонил ей, когда она мучилась похмельем, и, издевательски хихикая, спрашивал, что ей привезти: сока или вина? Или водки? Или все же пива?

Анна хлебнула из бокала еще, и еще, и еще. Пиво почти закончилось. Соленые сушки с тарелки исчезли. Она прикрыла растопыренными пальцами пустую тарелку, поскребла ногтями старый общепитовский фарфор, словно надеялась на чудо. Бац – и немудреная закуска появится. Чуда не случилось. Тарелка осталась пуста. В желудке неприятно заныло. Он требовал еды. Она не ела уже два дня. Ничего, кроме спиртного и черного хлеба. Денежный лимит на месяц закончился три дня назад. До начала месяца, когда она снова сможет воспользоваться кредиткой, еще неделя. Надо было как-то выживать. Неделю. Через неделю заработает банковская карта. Через неделю будет последнее судебное заседание, на котором будет решаться судьба ее дочери Анютки. Голубоглазого смешливого чуда, которое она боготворила и боготворит. И с которым ей почти не дают видаться.

– Ты, Анна, превратилась в отрепье, – не без удовольствия изрек при последнем свидании ее бывший муж. – И такому существу не место в жизни Анюты. Ее ждет долгая, счастливая жизнь. И я постараюсь, чтобы такому отрепью в ее жизни не было места.

– Но это же ты! Ты сделал меня такой! Я была хорошей, славной, красивой! – воскликнула Анна, вытянула руки, они привычно конвульсивно дергались. – Ты спаивал меня. Водил по вечеринкам. Потом... Потом подговорил своего друга. Он переспал со мной. Это же все ты! Ты виноват.

Свекровь, присутствующая при разговоре, неожиданно опустила голову.

– Прекратите, – попросила она тихо. Глянула на сына, на бывшую сноху. – Прекратите, прошу вас. Анна, все, что от тебя требуется, – это быть трезвой. Антон, все, что требуется от тебя, – это оставить ее в покое. Хотя бы теперь.

А он не оставляет! Не оставляет ее в покое. Снова приставил за ней наблюдение. Сильного высокого мужика, умело лавирующего в толпе и перепрыгивающего через лужи с ловкостью атлета.

Зачем все это? Ясно же, она не выиграет процесса. У нее даже адвоката нет. Она пропила деньги, выделенные ей свекровью на адвоката.

Анна уставилась на стекло, залитое дождем. Поймала в нем собственное отражение и тут же больно прикусила губу, чтобы не завывать.

В кого она превратилась?

Она – обеспеченная покойными родителями шикарная женщина. Блестящая в свете, окруженная толпами поклонников. Как она могла превратиться в существо без единого рубля в кармане? Со спутанными волосами, мутным взглядом, в одежде, которую никогда бы не позволила носить даже своей домработнице. Как она могла так низко опуститься? За какие-то два...

Нет, за три несчастных года! Три года она катилась вниз без остановки. Не было никого, кто бы попытался остановить ее на пути вниз. Не было никого, кто бы протянул ей руку, схватил ее, приостановил ее падение. Почему? Почему она осталась одна? Куда подевались все ее поклонники? Подруги? Знакомые? Почему растворились после того, как Антон отобрал у нее все и выгнал ее из ее же собственного дома?

– Будете еще что-то заказывать?

Грозный голос официантки – пожилой, сердитой, в переднике в пятнах – вывел ее из забытья.

– Нет, не буду, – качнула головой Анна и на ее глазах допила последние капли пива.

– Тогда освобождайте столик.

Официантка швырнула на стол поднос и принялась убирать посуду, мало заботясь, что Анна еще сидит, еще не ушла. Потому что она ее презирает, догадалась Анна. Презирает за грязную дешевую одежду. За спутанные, не мытые неделю волосы. За дурной запах. За заказ из бокала пива и тарелки соленых сушек. За то, что не оставит ей чаевых.

Анна порылась в кармане темно-вишневой куртки, болтающейся на ней, как на вешалке, отыскала какую-то мелочь. Вытащила, осторожно положила на поднос.

– Вот. У меня больше ничего нет. Простите, – дребезжащим от накатывающих слез голо-сом произнесла она.

– Посмотрите на нее! – очень тихо, чтобы их не слышали с соседних столиков, воскликнула официантка. – Чаевые мне оставляет. Детка, ты бы лучше на эти деньги мыла купила. От тебя же воняет! Ступай, ступай отсюда от греха. На улице дождь. Хоть сполоснешься.

И вот от этой гадкой жалости Анне тут же захотелось умереть.

Она неуклюже поднялась, загремев стулом на всю закусочную, покачнулась и неуверенной походкой двинулась к выходу. Все головы повернулись в ее сторону. Все глаза смотрели на нее. И ничего хорошего в тех глазах не было. Жалость, гадливость, отвращение. Такие чувства она теперь вызывала у окружающих.

Анна вышла в просторное гулкое фойе, поймала свое отражение в огромном зеркале. Оно расплывалось то ли от слез, то ли от выпитого. Она подошла ближе. Уставилась на свои бледные впалые щеки. Лихорадочно поблескивающие глаза. Странно яркий рот. Может, окрасился кровью, когда она кусала губы? Волосы. Ее прежде шикарные длинные волосы в крупных завитках, отливающих медью, рассыпались спутанными прядями по плечам и спине. Когда она в последний раз была у дамского мастера в салоне красоты? Дал бы бог вспомнить! Сама кромсала тупыми ножницами, подрезая челку и длину.

– Как же так вышло, Аня? – прошептала она, опуская взгляд на дешевую куртку, подаренную соседкой из той же гадкой жалости. – Что же он с тобой сделал, гад?

Вдруг показалось, что за ее спиной кто-то стоит. Аня резко обернулась. Нет, в фойе никого не было. А вот за окном...

Там маячил чей-то силуэт. Мужчина. С огромным черным зонтом. Он стоял, почти при-слонившись лицом к стеклу, и смотрел на нее. Но это точно был не тот мужчина, который ловко перепрыгивал через огромные лужи, следуя за ней. Это был кто-то другой. И он почему-то тоже за ней наблюдал. Может, они подменяют друг друга? Ведут наблюдение за ней посменно? Или, может, она сходит с ума от алкоголя, одиночества и чувства собственной неполноценности?

Мужчина за окном исчез. За огромным стеклом, избитым дождевыми струями, сделалось темнее. Сумерки. То время суток, которое было ненавистно ей острее всего. Не темно, не светло, серо. Серо и уныло, как в ее никчемной жизни.

Анна подошла к двери, потянула ее на себя, тут же в грудь ударил ледяной ветер. Лицо, волосы сделались мокрыми. Она натянула на голову капюшон. С сожалением глянула на прохуdivшиеся кроссовки и вышла из-под козырька.

Промокла она уже через минуту. В кроссовках хлюпало. Старенькие заношенные джинсы потемнели от влаги. Куртка на спине набухла от воды и сделалась такой тяжелой, что Анне казалось, она несет на спине огромный рюкзак. Она прошла мимо автобусной остановки. Денег на проезд не было. Всю мелочь она оставила презрительно смотревшей на нее официантке. Кстати, та не побрезговала, мелочь сгребла. Идти предстояло четыре квартала. Это далеко и долго. Она вымокнет до трусов. И возможно, заболеет. И умрет, если повезет. И прекратит наконец влачить нищенское существование и презирать себя за это.

Вдруг вспомнилось детство. Счастливое, беззаботное. Родители ее были очень обеспеченными людьми. Баловали ее чрезмерно. Отец особенно. Мама ворчала на него. Утверждала, что без них Анна пропадет.

– Ее обязательно кто-нибудь облапошит, милый, – сокрушалась она, лаская взглядом свое золотокудрое чудо. – Она такая наивная. Она такая слабая.

– Мы будем рядом всегда, – обещал отец.

И обманул. Они погибли за месяц до ее знакомства с Антоном. Странно, нелепо, загадочно. Их обнаружили мертвыми в каком-то заброшенном месте в собственном автомобиле. Они сидели, сцепившись за руки, будто спали. Они и спали.

Экспертиза установила, что они приняли смертельную дозу снотворного. Зачем? Почему? Они были абсолютно здоровы, как установила все та же экспертиза. У них не было проблем в бизнесе. Деловые партнеры их уважали. Ни посмертной записки, ничего не оставили. Огромное состояние завещали своей дочери. Это выяснилось спустя какое-то время, когда огласили завещание. И ее бы непременно заподозрили, не будь написано это завещание несколько лет назад. И не будь так сломлена их смертью Анна.

Виновных в их нелепой загадочной смерти так и не нашли. Анна была на грани сумасшествия. И тут очень кстати в ее жизни появился Антон. Невероятно услужливый, красивый, нежный, угадывающий ее желания по взгляду.

Анна потеряла голову настолько, что подписывала какие-то документы, что он ей подсовывал, не глядя. А зачем ей было что-то читать? Он же к тому времени занял пост генерального директора в ее фирме. У него было множество вопросов, которые необходимо было решать в срочном порядке. Поэтому какие-то разрешительные документы, подсовываемые им в постели, доверенности были ему необходимы. Она доверяла ему безоглядно. Он стал ей единственным родным человеком после смерти родителей. Потом появилась Анютка. И...

И все сразу изменилось. Анна много времени проводила с дочерью. И почти не замечала, что Антон стал редко появляться дома. Потом у них поселилась свекровь. Потом поменялась прислуга. Прежний состав, работающий еще при ее родителях, был уволен. Свекровь вела себя уважительно. Потокала прихотям Анны и Анютки. Последнюю так вообще переселила на свою половину дома. Она у нее появилась, да! Была выделена ей Антоном.

У Анны высвободилась куча времени. И, желая наверстать потерянное время, она принялась ходить по клубам, вечеринкам. Стала частенько прикладываться к бокалу. А когда случайно узнала, что ее Антон уже давно и часто бывал ей неверен, то вообще запила на месяц. Переспала с его другом, желая отомстить. Ее из запоя вывели. Потом еще и еще раз. А потом...

А потом она оказалась в трехкомнатной тесной хрущевке. Без единого собственного рубля в кармане. С банковской картой с весьма скудным лимитом на месяц. Это ей благодетель Антон выделил из ее же собственных средств. Которые благополучно отжал.

– Не надо было подписывать никакой генеральной доверенности! – воскликнул оплаченный свекровью адвокат. – Вы сами во всем виноваты. Вы позволили ему делать с вашими деньгами все, что ему заблагорассудится.

Она позволила, он воспользовался. Результат: он на вершине мира, она на дне. И что самое страшное, у нее не было ни сил, ни желания оттуда подниматься. И что еще страшнее, в последнее время она все чаще думала о том, как здорово ушли из жизни ее родители. Тихо, мирно, без боли и мучений. Не поступить ли ей так же?

Анна внезапно остановилась, осмотрелась. Она стояла на самой кромке тротуара, заливаемого дождем. По дороге неслись машины, поднимая фонтаны брызг и обдавая ее с головы до ног. Она вымокла насквозь. Но, кажется, ее это совершенно не волновало. Куда больше ее волновал вопрос: успеет или нет затормозить вон тот огромный грузовик, если она выпрыгнет на проезжую часть прямо перед ним?

Аня обхватила себя руками, почувствовав, что промерзла до костей. Губы тряслись, зубы стучали. Шагнуть. Ей надо было только шагнуть – и все закончится. Она посмотрела влево. И неожиданно обнаружила того самого мужчину под большим черным зонтом, который смотрел на нее через стекло закуской в фойе. Он стоял метрах в трех. Пристально смотрел на нее. И улыбался. Призывно улыбался. И, выдвигая вперед подбородок, призывал ее шагнуть. Или ей это снова кажется? Или она сходит с ума? Пора кончать с этим!

Она набрала полную грудь воздуха. Чуть наклонила корпус вперед. Занесла правую ногу. Грузовик был всего в трех метрах. Анна подалась вперед и...

– Не стоит этого делать, девушка, – прозвучал, как гром с небес, чей-то голос над ее головой.

Ее схватили за плечи и оттащили от бордюра. На целых три метра назад. Аня замотала головой и забормотала какую-то чушь про бессмысленность ее жизни. Про собственную никому ненужность. Про то, что она опустилась так низко на дно, что всплыть не удастся, как бы она ни старалась.

Она не знала, слышит ли ее спаситель. Понимает ли. Она просто бормотала бессвязно. Очень быстро. Без конца смахивала с лица влагу. Был ли то дождь или слезы, непонятно. Она уже не помнила, как болит внутри, когда плачешь. Потому что внутри у нее болело почти всегда.

– Не нужно этого делать, – снова повторил мужчина, это точно был мужской голос. И неожиданно добавил: – Все еще можно исправить.

Анна скосила взгляд влево, вправо. Мужчина под черным зонтом, который призывно улыбался ей, кивая на проезжую часть, исчез. Тот, кто стоял перед ней, не был им. Это был...

– Вы? – удивленно выдохнула Анна, узнав того самого атлета, который неотступно следовал за ней последние дни.

– Я, – кивнул он, и с его густой шевелюры, насквозь промокнутой, закапало. – Простите, если напугал вас своим преследованием.

– Пустое, – отмахнулась она вяло и медленно пошла к проулку, желая срезать путь домой.

Мужчина не отставал. Шагал рядом. Она видела носы его вымокших мокасин, мелькающих при ходьбе вперед-назад, вперед-назад. Видела сильные ноги. Мышцы рельефно проступали сквозь потемневшую от дождя джинсовую ткань. Левая рука двигалась в такт шагам. Хорошая рука, надежная, мужская. Смотреть выше, в его лицо, глаза, Анна не могла. Могла задохнуться от стыда.

Ничего у нее не выходило, ничего! Ни жить правильно. Ни правильно уйти из жизни.

– Вас нанял Антон. Чтобы следить за мной. Чтобы добить меня в суде через неделю, – проговорила она, когда они дошли до ее подъезда и спрятались от дождя под бетонным выщербленным козырьком. – Зачем спасали? Он бы вам только премию выписал за мою безвременную кончину.

– Антон? – спросил мужчина. – Это ваш бывший, я полагаю?

– Ой, да бросьте. – Она горестно усмехнулась. – Он регулярно посылает за мной наблюдение. А потом трясет фотографиями моего позора в суде. Вы же на него работаете?

– Нет, – ответил мужчина твердо.

И Анна неожиданно ему поверила. Просто потому, что захотелось кому-то поверить. Или голос его убедил.

– А на кого? На кого вы работаете? – Она не сводила глаз с его лица, находя его очень мужественным и приятным.

– Ни на кого. На себя.

– А за мной зачем ходили?

– Мне нужно было кое-что выяснить.

– Выяснили?

– Да.

– И что же это?

– Кроме меня, за вами еще кто-то наблюдает. Человек, старающийся оставаться в тени. Я не рассмотрел его лица. Вы видели его? Заметили?

– Того мужчину под огромным черным зонтом? Видела. – Анна поежилась, обводя взглядом мокрый унылый двор. – Он улыбался, когда я... Когда я хотела... Вы поняли.

– Я не об этом человеке. Его я тоже видел. Он не прятался. Он вас много фотографировал. Скорее всего, именно его нанял ваш муж.

– А кто же прятался? – Анна беспечно улыбнулась. – Не слишком ли много наблюдателей? Кому я нужна? Кто еще мог за мной следить? Зачем?

– Чтобы убить вас. – Он произнес это неуверенно. – Затем, чтобы убить.

Глава 5

– Паша! – капризным голосом позвала его Лана, делая ударение на втором слоге. – Иди сюда немедленно! Взгляни, мне идет это платье?

Павел поморщился, словно от боли. Сделал глубокий вдох, выдох. Снова набрал полную грудь воздуха, медленно выдохнул. И только тогда пошел в соседнюю комнату, где Лана выбирала наряд для похода в ресторан.

Он ненавидел, когда она его так называла – делая ударение на последнем слове. Ей нравилось, а он ненавидел. Ему был противен ее капризный голос. Может же говорить нормально, чего выпендриваться? И он с трудом терпел ее примерки. В бутиках еще ладно. Там Лана исчезала за плотными портьерами и выходила оттуда уже полностью одетой. Прохаживалась перед ним, он оценивал. Либо одобрял, либо нет.

Но дома!

Дома ему приходилось наблюдать весь процесс ее переодеваний. Трещал шелк, электризовались волосы, щеки покрывались лихорадочным рваным румянцем. Бретельки лифчика соскакивали, выставляя напоказ бледную вялую грудь нулевого размера. Резинка колготок ерзала на худеньком теле. Лана без конца ее подтягивала. Лопатки, ключицы, колени – все выпирало. Это было...

Это было очень несексуально. И Паша злился. На Лану, заставлявшую его проходить через все это. На себя, сделавшего такой странный выбор в ее пользу. На Лизу, ничуть не постаравшуюся его отвоевать.

Могла же, ну! Могла же постараться вернуть его. А она сдалась. Довольно быстро сдалась. Оскорбилась, наверное, что он назвал ее толстушкой. Но она и в самом деле не худышка. Да и ленива к тому же. Могла бы спортивный зал посещать, бассейн. С ее формами ей предписано с беговой дорожки не сходить. А она что? А она спит утром, как лошадь. И вечером может пирожных обожраться до икоты. Уж как он боролся с ее тягой к углеводам, как старался отвадить. Бесплезно. Лиза была слаба перед соблазном. Очень слаба.

Но еще слабее оказался он, не сумев отказаться от шикарного предложения, сделанного ему отцом Ланы.

– Я сделаю тебя компаньоном, если ты продержишься с Ланкой год, – с осторожной улыбкой заявил ее отец.

– В смысле, продержусь? – не понял он сразу.

– Женишься на ней и продержишься год. После этого я сделаю тебя компаньоном. И будете вы жить долго и счастливо. И, замечу, обеспеченно, – хохотнул будущий тесть, рассеянно перебирая на столе бумаги.

– А почему именно год? – заинтересовался Паша. – Не два и не три?

– Обычно первый год самый сложный для молодоженов, – передернул крутыми плечами отец Ланы. – Потом все идет как по маслу. А первый год надо притираться, присматриваться. Ты погоди, не торопись с ответом.

Паша и не торопился. Он оторопел. И молчал. Мысли метались как ужаленные.

Он ведь жил с Лизой. И человеку, который делал ему предложение, было об этом известно. Они оба работали у него. И как? Как он должен поступить с девушкой, которая его во многом устраивала? И даже нравилась.

С другой стороны, Лиза была очень своенравной. Опять же, у нее явная проблема с весом. И работать над собой она не желала, как он ни просил. Так что расставание с ней как бы правильное решение. Но...

Он же не любил Лану. Она ему даже не была симпатична. Худая, даже костлявая. Внешность невыразительная. Характер, по слухам, отвратительный.

– Но я не люблю вашу дочь, – честно признался Паша через неделю, отпущенную ему на размышления.

– Хочешь честно? – Спина будущего тестя выгнулась дугой, глаза сделались печальными. – Мне иногда кажется, что и я ее не люблю. Но! Она моя кровь. Она моя единственная дочь. И с этим приходится считаться. Поэтому я и делаю тебе предложение подобного рода. Ты адекватный честный человек. Я давно приглядываюсь к тебе. Ты можешь ее не любить, достаточно терпеть. Выдерживаешь год – и я делаю тебя компаньоном. Сразу оговорюсь, на определенных условиях. Чтобы ты не смог сгинуть тотчас же. А пока вы будете друг к другу притираться, я сделаю тебя своим замом. Это первое. Второе, зарплата у тебя будет более чем достойная. Жить вы станете в новом доме. Дом под ключ. Мебель, техника, все уже там есть. Это мой свадебный подарок. Про новую машину и двухмесячное свадебное путешествие я уже говорил?

– Нет.

Паша сидел перед ним, чувствуя, как немеют кончики пальцев от нервного напряжения. Роскошь? Этот человек предлагал ему жить в роскоши? Кажется, да. Так как поступить? Какое принять решение? Он еще не говорил с Лизой. Он сегодня утром вылез из ее кровати. И завтракали они за одним столом. Ему все еще казалось, что все это розыгрыш. Какая-то неуместная злая шутка.

– Так вот на островах у меня есть небольшое бунгало. Думаю, там вам будет неплохо вдвоем. Да, и вот еще что. – Спина будущего тестя распрямилась. Взгляд сделался жестким. – Отказа я не приму. Если откажешься, тебе придется покинуть этот город. Здесь я тебе жизни не дам. Готов к переезду?

– Куда? – У Паши стучало в висках.

– Либо туда. – Шеф швырнул на стол связку ключей, надо полагать, от нового дома, и тут же указал подбородком на окно: – Либо туда. Выбирай, какой из вариантов тебе больше подходит.

Паше подошел первый. Он ушел от Лизы. Сошелся с Ланой. Они поженились. Съездили в свадебное путешествие. Он получил повышение по службе. Огромную, по его меркам, зарплату. Тесть подарил ему новую машину. Все вроде бы было в шоколаде, но...

Но Лана ему так и не смогла понравиться. Совсем никак! Она честно старалась. Следила за собой, старалась красиво выглядеть. Ухаживала за ним. Баловала подарками. Редко перечила. Не часто капризничала. Но ситуацию это не спасало. Он не любил ее. Он не хотел ее. Не хотел ни любить, ни видеть.

– Как думаешь, это подойдет?

Странно, но из всей груды нарядов она неожиданно выбрала тот, что очень походил по цвету на Лизино платье. На то, в котором она была сегодня утром. Но если Лизе к ее светлым волосам и голубым глазам нежно-серый с нежно-розовым шел превосходно, Лану он делал просто... просто неказистой!

– Думаю, вот это будет лучше. – Паша наугад выдернул из шкафа какое-то платье. – Примерь, пожалуйста.

– Считаешь? – Лана с сомнением рассматривала бархат пурпурного цвета. – Как королевская мантия, честное слово, Паша. Что у тебя со вкусом?

Действительно! Он чуть не фыркнул. Со вкусом у него в самом деле оказалось не очень, раз он предпочел Лизе Лану. Только теперь он понял, что никаких денег не стоит жизнь с нелю-

бимой женщиной. Жизнь под пристальным оком тестя. Жизнь из фальшивых чувств, притворства и принудительного счастья ничего не стоила. Это он понял.

Да, да, он мог бы все бросить к чертям прямо сейчас. Прямо сей момент. Швырнуть ключи от дома, от машины, от банковской ячейки, где Лана хранила свои драгоценности. Мог бы написать заявление на увольнение. Купить билет на поезд и укатить куда-нибудь. Мог и не мог. Сила приобретенной привычки оказалась сильнее. Привычки к достатку.

– Все же я надену это. – Лана швырнула бордовый бархат и снова потянулась к серому шелку. – Стильно. Элегантно. Неброско. То, что нужно. Не думаю, что мне этот цвет пойдет хуже, чем твоей бывшей.

Ну вот, опять! Паша со вздохом попятился к двери. Разговор о его бывшей девушке заходил крайне редко, по пальцам одной руки можно было пересчитать – сколько раз. Но он все же заходил. Сегодняшний день, видимо, не станет исключением.

– Согласись, но этот цвет будет полнить даже меня. А уж ее делал просто огромной, – неслось ему в спину. – Платье неплохое, конечно, тут я не могу ничего сказать. Но Егорова в нем просто слониха. Господи, как можно быть такой слепой. И эта ее выходка утром. Она либо обнаглела окончательно, либо нарывается. Ничего, сегодняшний день станет для нее хорошим уроком.

Она, как всегда, затроила «р» в слове «хорошим». Скверный признак. Паша притормозил. Вернулся. Глянул на Лану, надевшую серое шелковое платье. Как он и предполагал, она в нем была просто мышью. Большой серой мышью.

– Что ты имеешь в виду, дорогая? – осторожно поинтересовался он.

– Ты о чем? – Она с довольной улыбкой рассматривала себя в зеркале.

– Про хороший урок для Егоровой.

Паша прислонился к притолоке плечом, стараясь не смотреть на Лану, чтобы не разочаровываться снова, чтобы снова не начать жалеть себя.

– А, ты об этом. – Ее худенькие ручки запорхали по складкам платья. – Анастасия Сергеевна сегодня послала Егорову мне за подарком в одну из гончарных мастерских. Модное местечко, классные вещи тамошний гончар производит. Так вот, Егорова туда приехала. И обнаружила гончара мертвым.

– Как это? – По спине Паши промчался эскадрон мурашек.

– Убитым то есть, – уточнила Лана, влезая в шкатулку с недорогими украшениями.

– Убитым? – прошипел Паша. – Как убитым?

– Насмерть, Паша, – снова сделала не там ударение его жена на его имени. И прицепила на платье дико нелепую брошь. – То есть убитым насмерть.

– Ничего себе.

У него неожиданно защемило сердце, стоило представить растерянную, перепуганную Лизу над мертвым телом гончара. Когда она пугалась, ее лицо делалось трогательно детским. И ему всегда в такие моменты хотелось его целовать.

– И что же было дальше? После того как она обнаружила труп? – спросил Паша тоном, мало похожим на равнодушный.

– Эта идиотка вызвала полицию! Представляешь? Вместо того чтобы бежать оттуда сломя голову, она вызвала полицию. Дождалась приезда оперативников и принялась всячески содействовать! Дура, нет?

– Не знаю. Вообще-то, это логично, – пожал он плечами и повернулся, чтобы уйти наконец. И зачем-то добавил: – И я, наверное, сделал бы то же самое. А ты нет?

– А я нет. Я же не такая логичная, как ты и твоя Егорова.

Ее голос начал неприятно подрагивать. Все ясно, где-то он допустил ошибку. Не надо, видимо, было вообще задавать вопросов о Лизе. Но не он начал разговор, если что.

– Она не моя, – попытался Павел исправить ситуацию. И попросил: – Не начинай, пожалуйста.

– Хорошо, не буду. Просто хотела рассказать тебе все до конца.

– А это еще не все? – У него неприятно заныло в желудке.

– Конечно! – Лана отошла на полметра от зеркала, покрутилась, как маленькая девочка, придерживая края юбки пальчиками. – Как тебе, Паша?

Снова ударение не там, что ты будешь делать с ней!

– Вполне, знаешь. – Он пробежался внимательным взглядом по ее наряду. – Да, хорошо, дорогая.

Он снова соврал. И снова проклял себя за малодушие.

Наряд никуда не годился. Серый блестящий шелк делал ее природную аристократичную будто бы бледность нездоровой. Платье висело на ее худеньком теле мешком. И эта нелепая брошь. Господи! Неужели не понятно, что она тяжела для такой тонкой ткани? Даже он – мужчина – способен это понять.

Полное отсутствие вкуса и меры.

– Хорошо. – Лана удовлетворенно улыбнулась, продолжая крутиться возле зеркала. – Так вот, Паша, с Егоровой вышла просто чудовищная история.

Он промолчал, ожидая продолжения. Обнажать свой интерес не имел права. Будет скандал. Она сама все выложит. Не так сразу, но выложит.

– Я тебе сказала, что она принялась совать нос не в свои дела и раздавать советы направо и налево сотрудникам полиции?

– Вроде бы.

– Досоветовалась до такой степени, что ей начали задавать нехорошие вопросы. То есть требовать с нее алиби.

– В смысле?

– В том самом, зачем она там оказалась, что делала, как давно приехала, и все такое. Егорова, конечно же, рассказала. И ее слова захотели проверить. Позвонили Анастасии Сергеевне. Но та особа интересная. Услышав, что звонят из полиции, решила подстраховаться. И отказалась от Егоровой.

– Как это?

Паше сделалось душно в гардеробной жены, способной посоперничать по площади с хорошей однокомнатной квартирой в хрущевке. Еще минута-другая – и он точно свалится с приступом астматического кашля. Тяжелый аромат дорогих духов. Запах кондиционера для одежды и цветущих орхидей. Все смешалось и накрыло его тяжелым зловонным облаком.

– Что значит – отказалась? – еле выговорил он, чувствуя испарину на лбу и между лопаток.

– Она не подтвердила то, что послала Егорову в эту мастерскую за подарком мне.

– А почему?

Паше захотелось прямо отсюда – из дома, расположенного в самом престижном районе города, – дотянуться до худосочной шеи заместителя генерального директора по общим вопросам. Дотянуться и сдавить сильнее.

– Не знаю, Паша, – весело рассмеялась Лана и закружилась, раздувая шелковую юбку колоколом. – Перепугалась. Не захотела неприятностей из-за Егоровой.

– Но она ведь не могла самостоятельно принять такое решение, Лана. Разве нет? – Паша вернулся с порога гардеробной и медленно пошел на жену. – Разве Анастасия не позвонила тебе прежде, чем держать ответ перед полицией? Разве не посоветовалась?

– Как тебе сказать. – Лана оскалила в широкой улыбке безупречные зубы, стоившие ее отцу состояния.

– Скажи как есть.

Он остановился, уставился на ее серый шелковый воротник. Неожиданно подумал, что вот до этой шеи он точно дотянуться может. Дотянуться и сдавить. И что странно, эти преступные мысли его ничуть не испугали.

– Ну да, да, милый. – Тонкие холодные пальцы нежно погладили его по щеке. – Анастасия Сергеевна, конечно, позвонила мне и посоветовалась.

– И ты продиктовала ей то, что она должна будет сказать, – закончил за нее Павел и отстранился, воскликнув: – Ты вообще о чем думала, Лана? О глупой мелочной мести или о престиже компании своего отца?

– В смысле? – Ее нижняя челюсть выдвинулась вперед – признак жгучей обиды. – При чем тут компания моего отца?

– При том, дорогая, что пятно подобного рода нам ни в коем случае не нужно. Особенно теперь, – неожиданно кстати вспомнил он о важной грядущей сделке.

– А что теперь?

Лана растерянно моргала, без конца молча открывала и закрывала рот, сильно смахивая на слабоумную.

– Мы через месяц должны заключить важный контракт с зарубежными инвесторами. Люди очень шепетильные. Проверяют все и вся. А тут такое! Лана! Я прошу тебя! Нет, я умоляю просто! Никогда впредь не совершай ничего подобного, не посоветовавшись со мной или со своим отцом. Хорошо?

Павел пошел прочь из гардеробной жены. Быстро пошел и не попытался приостановиться, когда услышал, что она его догоняет.

– Паша, а ты куда? – Лана растерянно переводила взгляд с мужа на настенные часы в холле. – Осталось совсем немного времени.

– Да, дорогая, ты права. Осталось совсем немного времени, чтобы предотвратить скандал. – Он взялся за ручку входной двери. – И я сейчас попытаюсь все исправить. Просто исправить то, что ты натворила.

И он ушел, как можно мягче прикрыв за собой дверь.

Глава 6

Она снова бежала. Волосы назад от ветра. Ноги мягко пружинят по беговой дорожке. Правда, вместо красивых спортивных лосин на ней были самые обыкновенные – плотные, черные, с крохотной дырочкой возле резинки. Но о ней знала только она. И топа не было, подтягивающего живот. Обычная футболка, вылинявшая от частых стирок. И спортивная старая кофта, которую надевала на физкультуру еще в университете. Все было стареньким и немодным, включая растоптанные кроссовки. Но зато бежала она теперь по-настоящему, а не в мечтах и не во сне.

Третье утро подряд бежала. И что странно, она ни разу не проспала. Ни разу не пропустила пробежку. И спать совсем не хотелось. Она же не заводила будильника, ей было ни к чему. А просыпалась в половине шестого утра. Каждый день. Третий день. Третий день после того, как ее отправили в незапланированный отпуск. После скандального случая с задержанием в полиции отправили.

Если быть уж совершенно точной, отправил ее в отпуск Пашка. Сначала вытащил из тюремной камеры. А потом отправил в отпуск, пользуясь своими полномочиями.

– Это чтобы тебя, Лизок, не уволили. Так надо, поверь, – утверждал он, отвозя ее домой после того, как забрал из полиции под собственную ответственность. – Все уляжется, страсти поутихнут. Тогда и выйдешь.

– И когда это случится?

Лиза не сводила с него глаз.

Любимое красивое лицо, такое родное, такое незнакомое. Сильные руки с ухоженными ногтями и с мозолями от спортивных тренажеров. Модная одежда, делавшая его еще привлекательнее. Паша вел машину одной рукой, второй все время сжимал ее пальцы. А ей было страшно стыдно за облупившийся лак, о котором Маринка ей напоминала еще утром. Но она руки не отнимала, наслаждаясь запретной близостью. Она знала, что сейчас они доедут до ее дома – и все закончится. Паша уберет руку. Кивнет ей на прощание и уедет. Он ведь объяснил ей, что спасает ее не столько ради нее, сколько ради компании своего тестя. Грядет подписание важного контракта. И репутация фирмы и ее сотрудников должна быть безупречной.

Может, он лгал? Хоть чуточку, хоть капельку, но лгал? Не мог же он ради контракта так нежно касаться ее пальцев. И поглаживать по спине и приговаривать, что все хорошо, что всем просто надо взять себя в руки и успокоиться. Не мог ради тестя и его дочери всю дорогу не сводить с нее глаз и болтать о милых пустяках из их прошлой совместной жизни.

Они доехали. Павел вышел из машины, помог ей выбраться. Проводил до подъезда.

– Лизок, бывай. – Он протянул ей руку, как товарищу.

Ей захотелось заплакать. Не то чтобы она на что-то такое надеялась, просто жутко не хотелось оставаться теперь одной. Особенно после того, как ее рука побывала в его ладони. И особенно после того, как он гладил ее по спине и уговаривал.

– Может, зайдешь, Паша? – спросила Лиза, ненавидя себя за эту мольбу в голосе. – Я чай заварю, как ты любишь.

Он размышлял мгновение. И тут же покачал головой. И с шуточной строгостью произнес:

– Боюсь, это не очень хорошая идея, гражданка Егорова. Ты забыла? Я женатый человек.

И ушел. Сел в машину и укатил.

– К этой своей худосочной стерве, – рыдала потом в трубку Лиза, жалуясь подруге. – Это она, Маринка! Точно она все устроила! Гадина!

– Не мели чепухи, Лиза, – со вздохом ответила ей подруга. – Пусть алиби твое они не захотели подтвердить. Но не они же убивали бедного малого. Эти две жучки просто воспользовались ситуацией, чтобы тебя наказать.

– За что? Скажи – за что? – захлебывалась слезами Лиза.

– Просто за то, что ты есть. Что Пашка о тебе помнит. Видит тебя каждый день. Сравнивает вас. Может, и любит даже еще, подонок несчастный! – возмутилась Маринка. – Ладно, не реви, я сейчас приеду. Утопим твое горе...

Утопить тогда не вышло. Лиза наотрез отказалась пить мартини. А Маринка пить в одиночестве не пожелала.

– Тогда завтра бежишь, дорогая, – требовательно произнесла Марина, обувая у порога туфли. – Просто утром встанешь и побежишь.

Как наколдовала. Лиза третий день на беговой дорожке. Десять кругов. До изнеможения. До боли во всем теле и легких. Потом на непослушных ногах добиралась до квартиры. Скидывала, как мечтала, потную одежду прямо в прихожей. И голышом в ванную, под душ. Долго, невозможно долго стояла под теплыми струями. Иногда плакала, иногда злилась. Потом вылезала из ванны. Вытиралась кое-как. Натягивала на голое тело длинный халат из тонкого трикотажа и шла в кухню завтракать. Правда, в горло не лезло ничего, кроме чашки крепкого чая и маленькой плитки черного шоколада.

– Красавица! – фыркнула насмешливо Марина, узнав. – Что бегала, что нет, все зря.

– А если хочется!

– Ладно, хочется – лопай. Говорят, черный шоколад полезен. Но лучше бы ты, Лизка, кашки себе сварила.

Кашу она категорически не хотела варить. Это значило бы, что она поддалась на собственные уговоры сестры наконец на диету. Похудеть. Чтобы нравиться мужчинам. Чтобы Пашке нравиться.

Все было бесполезно. В смысле, с Пашкой. Даже если он и станет втайне мечтать о ней, он никогда не бросит свою жену Лану. По слухам, теще заставил его подписать брачный договор на страшно кабальных условиях. Опять же, по слухам, Павел должен был выдержать какой-то испытательный срок. Назывались разные: от года до трех. И Лиза в это верила. Хозяин бизнеса мог. Он такой. И Пашке было не открытись. Он слишком был зависим от желания жить в достатке.

Более романтичные особы шептались, что банальный расчет тут ни при чем. Все дело в чувствах, которыми воспылил Павел Анатольевич Тимофеев к хозяйской дочке. В это Лиза не верила. Она совершенно точно знала, что Лана никогда Паше не нравилась. Никогда!

Пробежав последний круг, Лиза медленно пошла к выходу со стадиона. Потом до дома. Потом в душ. Потом в кухню. Снова чай. Но выдержала, не достала шоколадку. Просто пила пустой чай. Горячий, крепкий, сладкий. Пила чай и ни о чем не думала. Старалась, во всяком случае. Потянулась к телефону. Набрала подругу. Та ответила не сразу. И показалась какой-то расстроенной.

– Ты чего? На работу опоздала? – забеспокоилась Лиза. – Хочешь, я стану тебя каждое утро возить?

– Не хочу, – огрызнулась подруга и вдруг всхлипнула. – Макс на звонки не отвечает.

– Какая новость! – фыркнула Лиза. – Можно подумать, впервые! Он же в рейсе, разве нет?

– Ну да. Набрал пассажиров и поехал в Питер. Обещал позвонить, как доберется. И тишина.

– А когда должен был добраться?

– Ночью.

– Ой, Марина, ты меня с ума сведешь. – Лиза закатила глаза. – Я-то думала третий день ни слуху ни духу. Упал в койку в отеле и отдыхает. Дорога не близкая. Какие пассажиры еще! Помнишь, рассказывал о пьяной компании?

– Да помню я, – отозвалась со вздохом подруга. – Но вчера народ нормальный подобрался. Семья пенсов с внуками. Никакого подвоха. А он не отвечает. Тот гость его еще...

– А что гость? – с великой неохотой поинтересовалась Лиза.

Гость был тот самый, с которым Марина собиралась ее познакомить. Должен был приехать на отдых по обмену. Запросил личного экскурсовода. Лиза собиралась выполнять эти функции при нем. В результате свое жилье отказался предоставить туристам, которых нашла Марина. Сослался на ремонт тепловых сетей. Маринка потерпела убытки. От экскурсовода, приехав, отказался. А это значило, что Лиза пролетала с романтическим приключением. Потом его видел Макс в городе с какой-то пьяню. Две ночи из заявленных трех не ночевал в отведенной ему комнате. Возвращаться обратно в свой город с Максом отказался.

– Так что гость-то, Марин?

– А ничего. Сначала вроде съехал. За причиненные неудобства заплатил, и все такое. Я даже не в минусах. И вдруг после отъезда Макса вчера ближе к вечеру заявляется.

– Да? – изумленно отозвалась Лиза, задумалась. – А может, он к тебе того, чувствами воспылил? Дождался отъезда твоего любимого и...

– Ой, не мели чепухи, подруга, – разозлилась Марина. – Когда чувства воспылают, с бабой не являются.

– С женщиной? Он притащил к тебе женщину? Ничего себе. – Лиза неуверенно хихикнула. – Красавчик. На постой снова просился? С подругой?

– В том-то и дело, что нет. Ни на какой ни на постой. Явился под вечер после дождя уже. Вымокший весь. Несет какую-то чушь про какой-то рейс. Про пассажиров. Девка его еле на ногах стоит, пьяная. Тоже что-то бормочет.

– И ты что?

– Да ничего, погнала их. Я дома одна. Вечер. Жутковато стало. Мало ли. Может, аферисты какие.

– А я тебе говорила.

– Стоп! Не начинай! – перебила ее грубо Марина. – Без тебя теперь вижу, что бизнес наш с Максом так себе. Не оправдал ожиданий. Макс еще не отвечает.

– Не переживай ты так, Марин. – Ей сделалось жалко подругу. – Хочешь, я приеду?

– Куда? – фыркнула та почти весело. – На работу ко мне? Нет, ты даешь! Совсем потерялась во времени? Сегодня же вторник, Лизок. Ты же сама предположила, что я на работу опоздала. Не помнишь уже? Пять минут назад, Лиза. Не помнишь? Как предложила возить меня каждое утро?

– Действительно, – вздохнула Лиза. – Действительно вторник.

– Ладно, пойду, поработаю на работе. Уже двадцать минут, как рабочий день начался. – И пробормотала с легкой завистью: – А ты пей свой чай с шоколадкой.

Лиза не успела ей сказать, что шоколадки сегодня нет на ее столе. Марина отключилась. И следом в ее дверь позвонили.

Пашка! Лиза вскочила со стула. Шагнула на слабых ногах. Это точно Пашка! Он знает, что она дома. Воспользовался своим положением и удрал с работы. К ней! Шеф в командировке, Лиза точно знала. Лана просыпается ближе к полудню.

Это точно Пашка. Она сделала шаг, другой, третий к двери. Ее будто горячим облаком окутало, так было тяжело идти, дышать, думать. А звонок звенел, не переставая. Так настойчиво и зло мог звонить только Пашка.

– Вы?

Лиза попятилась. На пороге стоял ее мучитель капитан Вихров. Мягкие серые брюки, будто он спал в них. Черный тонкий джемпер в крошках. Тонкая папочка под мышкой. Серое злое лицо. Уставший, затравленный взгляд. Даже волосы показались Лизе всклокоченными, хотя этого не могло быть по определению – Вихров был крайне коротко стрижен.

– Что вам нужно?

Сделалось страшно. Он снова хочет ее арестовать? Он приехал за ней? Но она не может, не хочет! Она ни в чем не виновата! Она не хочет в вонючую камеру с невымытыми соседками, пристающими к ней кто с вопросами, кто с сочувствием, кто с советами. Не хочет! Не может!

– Не волнуйтесь, я не за вами. Вам мне, к сожалению, предъявить нечего, – буркнул Вихров и вошел в ее квартиру, толкая задом входную дверь и приваливаясь к ней спиной.

– К сожалению? – возмутилась Лиза. – Вам все равно кого сажать?

– Нет, не все равно. Но вы единственная, кто так наследил на месте преступления. Единственная, на чьих руках обнаружили следы наркотического вещества. Единственная, наболтавшая столько всего, что...

– Что?

– Что на пару уголовных дел наберется. – Вихров криво ухмыльнулся, глянул себе под ноги. – С пробежки, что ли?

Ох, господи! Она так и не убрала свои вещи, в которых бегала. Они кучкой валялись на полу в метре от входной двери. И халат на ней почти из ничего. А под ним нет белья. И Вихров нагло ее рассматривает. И загадочно ухмыляется.

– С пробежки, – кивнула Лиза.

Нагнулась, сгребла мокрую от пота одежду. Открыв дверь в ванную, швырнула ее туда. Метнулась в спальню и быстро переоделась в джинсы и черную рубашку, не к месту подумав, что она ее стройнит.

Вот уж перед кем ей точно не хотелось выпендриваться, так это перед Вихровым.

Но ведь подумала? Подумала! По мужскому вниманию настолько соскучилась, курица, что даже готова его принимать от собственного тюремщика?

Вихрова в прихожей уже не было. Одни ботинки сиротливо стояли нос к носу. А их хозяин уже стоял в ее кухне возле окна и допивал ее остывший чай из ее чашки.

– Красивый вид, – буркнул он, разглядывая купола небольшой церквушки и парк по соседству. – Дорого?

– Что – дорого?

– Дорого отдали за квартиру?

И снова ей почудился подвох в его вопросе.

Она поначалу не понимала его ходов, когда он с ней несколько дней назад беседовал. Болтала без остановки. Улыбалась, когда он шутил. А когда принялась читать протокол, который он составил будто бы с ее слов, то чуть со стула не свалилась. Подписывать отказалась. Отказалась, значит, сотрудничать. И напрямик отправилась в камеру до выяснения обстоятельств дела.

– Я ничего за квартиру не отдавала. Это квартира моих родителей, – отчеканила она, скрестив руки под грудью и рассматривая Вихрова со спины.

Спина ничего себе была, крепкая. Широкие плечи. Узкая талия. Спортивные ноги.

«Бегают, наверное, много, – подумала Лиза. – За преступниками. Интересно, чего сюда притащился в такую-то рань? Рабочий день только-только начался».

– А родители где? – Вихров обернулся, скользнул по ней взглядом.

– Ой, ну вот только родителей моих не трогайте, ладно? – возмущенно отозвалась она. – Еще не хватало!

– Никто и не собирался. Просто спросил.

Вихров поставил ее пустую чашку на рабочий стол, потрогал бок остывшего чайника. Вскинул брови вопросительно.

– Можно? – спросил он.

– Так пить хочется, что и переночевать негде, – съязвила она и тут же махнула рукой. – Делайте что хотите.

Вихров захотел чая. К чаю не отказался от пастилы и мармеладок из натурального вишневого сока, которые Лиза покупала втридорога в кондитерской по соседству. И уже когда полностью опустошил вазочку, снова пристал:

– Так где родители-то, Елизавета Андреевна? Живы?

– Живы. Живут каждый своей жизнью. У отца семья в Астрахани. У мамы семья в Греции.

– А вы тут, – закончил за нее Вихров. – Часто встречаетесь?

– Нет. Нечасто.

И про себя закончила, что почти никогда.

Папа с мамой приняли для себя решение о создании новых семей, в которых тайно существовали не один год, не сразу. Они дожидались окончания ею университета. И как только она получила диплом, они ее «обрадовали». Оставили одну, переписав на нее квартиру, машину, старенькую дачу в пригороде. Она там уже несколько лет не была. Как-то вот так справились с родительским долгом и укатили. И видела она их, дал бы бог памяти...

Точно, отца шесть лет назад. Маму четыре.

– Созваниваетесь?

– Да.

Лиза недовольно поморщилась. Родительские звонки порой ее так выбешивали, что она не всегда отвечала. Мама тогда принималась звонить Маринке. Отец Павлику. Он о нем знал.

– А кто они, Елизавета Андреевна? Кто ваши родители?

– Мама по образованию переводчик. Три языка. Всю жизнь проработала гидом. На экскурсии и познакомилась с этим туристом из Греции. Полюбили друг друга. Отец военный летчик. В отставке по здоровью. Читал лекции в университете. Там влюбился в свою студентку

и уехал вместе с ней на ее малую родину. А вы, собственно, чего прицепились к моим родителям? – Она, устав стоять у стены, сердито двинула ногой стул, уселась напротив Вихрова. – Желаете сообщить им о моем дурном поведении? Или свататься собрались, капитан Вихров?

– Так я бы с радостью, – подхватил он подачу с легкой улыбкой, поигрывая чайной ложечкой в пустой чашке. – Так не пойдете за меня. Нищ я и гол как крыса церковная. А вы вон как упакованы. Шикарная квартира в центре.

– С шикарным видом из окна, – подсказала Лиза.

– Что немаловажно, – поднял указательный палец Вихров. – Машина, опять же, у вас дорогая. Красивая вы. Умная. У вас престижная работа. Одни достоинства, одним словом. А я... Кто я? Простой мент. Нет, не пойдете за меня, Елизавета Андреевна.

Она молчала, ожидая продолжения.

И Вихров не разочаровал.

– Кто я? – воскликнул фальшивым расстроенным голосом. – Кто я в сравнении с тем плейбоем, что забирал вас из полиции? Кстати, кто он?

Вот! Вот он ради чего притащился в такую рань. Узнать подробности об их отношениях с Пашей. Может, сложил уже для себя какую-нибудь угловатую версию о том, как, желая ее подставить, соперница убивает бедного малого из гончарной мастерской.

Бр-рр, противно.

– Это мой бывший парень. Он оставил меня ради дочки хозяина. Женился на ней. И живут богато и, наверное, счастливо, – выпалила Лиза со злостью. – Что-то еще? Что еще вы хотели узнать у меня, приехав в такую рань без звонка? В каких мы с ним теперь отношениях? А с его женой? Было ли мне больно, когда он ушел к ней? И почему я продолжаю работать в фирме ее отца? Что? Спрашивайте, капитан Вихров!

– А вам было больно? – кажется, из всего, что она сказала, он услышал только это.

– Мне противно с вами разговаривать! – Лиза вскочила с места и указала рукой на дверь: – Уходите. Вообще не понимаю, зачем вы здесь!

Он минуту ее рассматривал. Спокойно, даже безучастно. Потом с тяжелым вздохом вылез из-за стола.

– Вообще-то я приехал извиниться, – проговорил Вихров, проходя мимо. – Извиниться и поговорить.

– Будем считать, что у вас не вышло, – выпалила Лиза ему в спину.

– Не вышло, – согласно кивнул капитан, останавливаясь в прихожей возле своих ботинок. – Но все равно, Елизавета Андреевна, извините меня за то, что вам пришлось провести пару ночей в камере.

Было видно, что извинения даются ему тяжело. Голос неуверенный, будто Вихров сомневался в правильности сказанных слов. Будто внутренне спорил сам с собой.

– Вы редко извиняетесь, – сделала она вывод.

– Не часто, – кивнул он и сунул ступню в левый ботинок. – Но перед вами захотелось извиниться. Глупо было вас задерживать. Конечно же, вы были ни при чем. Просто ваша руководительница открестилась от ваших слов. Что было довольно-таки странно. К тому же вы с такой уверенностью утверждали, что в деле, возможно, фигурируют наркотики, что я...

– А они фигурировали? – округлила Лиза глаза.

– Черт! – Вихров вытащил левую ступню из ботинка, оттолкнул его большим пальцем ноги и шагнул вперед. – Вот не могу я уйти, не поговорив с вами.

– О чем? – Лиза попяtilась.

– Обо всем. С самого начала. Мне важно ваше видение. Оно, как ни странно, оказалось верным.

– Да о чем вы? О чем?

Она попыталась вывернуться. Не вышло. Вихров настойчиво теснил ее обратно в кухню. Заставил сесть на стул, сел напротив. Глянул, будто упрекнул.

– Вот до сих пор не пойму, как так вышло, что вы оказались правы?

– О чем вы? – повторила она. – О наркотиках?

– О них, о них, – покивал Вихров. – Помните, что вы мне сказали, уже сидя в моем кабинете?

Не совсем. Вернее, не все. Не все она помнила, что наболтать успела, как под аплодисменты, под его одобрительные улыбки. Молола, на ее взгляд, всякую чушь. Предполагала, придумывала, смеялась вместе с ним. Это потом уже стало не до смеха. Когда он ей протокол на подпись подsunул.

– Вы сказали, Елизавета Андреевна, что эти маленькие скульптурки, полые внутри, прекрасно подошли бы для транспортировки наркотиков. Помните?

– Кажется. Кажется, говорила.

Лиза покусала изнутри щеку, потерла пальцем подбородок. Ну не дура ли она, говорить о таких вещах с полицейским.

– В кино видела что-то похожее. Предположила.

– И правильно предположили, Елизавета Андреевна. У вас очень острый ум, – похвалил Вихров, но его взгляд все еще был встревоженным. – Наш эксперт обнаружил крохотные следы наркотического вещества в том месте, где предположительно стояла коробка с заказом. Едва заметная пыль. Ее на ваших руках обнаружили тоже. Можно и внимания не обратить.

– Возможно, в этом месте фасовали?

– Все возможно, Елизавета Андреевна.

– Коробка с заказом? Предположительно? Что это значит? Коробка исчезла?

– Да. Стояла коробка с глиняными фигурками. Должна была быть отправлена в интернат на следующее утро. В соседнюю область. Коробки нет. До интерната не доехала. Хозяин мастерской мертв.

– А другие сотрудники что говорят?

– Других сотрудников – два человека. Бухгалтер, давняя приятельница и соседка погибшего. Она же и прибиралась в мастерской по утрам. И помощник гончара, молодой парень, учащийся местного ПТУ.

– Проверьте их.

– Проверили. Чисты, как стекла.

– А чего она тем утром не убирала? – спросила вдруг Лиза, уставившись на Вихрова. – Вы сказали, убирает по утрам, так? До открытия, я полагаю?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.